Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

№ 9
1974

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских
Зарубежных Кадетских Корпусов, Нью-Йорк, США

№ 9 Нью-Йорк 1974

Художественная обработка А. Н. Родзевич

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine (3-4 issues yearly)
Published by Association of Russian Cadets graduated
outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $7.00 USA for one year
$2.50 USA per single copy

Managing Editor
Paul Olferiev
4187 Frame Place.
Flushing, N. Y. 11355 U.S.A.

ОГЛАВЛЕНИЕ

III СЪЕЗД

ПРЕЗИДИУМ

Приветствуем кадет, собравшихся в четвертый раз на свой Съезд в Сан Франциско, Калифорния, и желаем всем хорошо и продуктивно провести время в дружной Кадетской семье.

Наши Съезды, кроме дружеского общения, преследуют и конструктивные цели, главными из которых являются:

ВЗАИМОПОМОЩЬ : необходимость, надобность таковой все больше начинает вставать перед нами особенно остро ввиду наступивших для многих из нас осенних лет жизни. С годами сильно сократилось число офицеров-воспитателей, членов педагогических персоналов и их семейств, а увеличивается число наших однокашников, которым часто необходима помощь.

РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ : на первом месте сохранение таковой от полной денационализации, утраты родного русского языка и представления о Родине отцов и дедов. Передача им тех основ и традиций на которых мы воспитывались в Корпусах. Привлечение сыновей и внуков в ряды наших Объединений.

Семья, русские церковно-приходские школы, молодежные организации и мы должны помочь нашим детям быть и остаться русскими, а не смотреть равнодушно как постепенно они превратятся в «Иванов не помнящих родства».

РАСШИРЕНИЕ ВЗАИМНОЙ СВЯЗИ: путем координации нашей деятельности во всех существующих Объединениях и оповещением о таковой в нашем журнале.

ПОДДЕРЖКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАШИХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ: Достаточное число подписчиков и материальная база помогут собрать и опубликовать многое еще никогда не напечатанное, что в будущем будет представлять огромный интерес для будущих историков. Нам надо торопиться пока есть силы и материальные возможности. После нас этого никто не сделает.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ в наши ряды тех кадет, которые еще не разделили с нами радости общения. Часто простая инертность мешает одиночкам вступать в Объединения и довольно иногда бывает одного письма или дружеской беседы, чтобы привлечь отставшего. Не следует забывать, что к семидесятым годам двадцатого столетия наши Объединения стали единственными многочисленными, жизненными, полезными организациями.

Одноклассники проверьте свои выпуски — все ли с Вами?

Однокашники обернитесь и посмотрите все ли в Вашем районе с нами?

Надеемся что все эти вопросы мы плодотворно разрешим на ближайшее трехлетие на ЧЕТВЕРТОМ СЪЕЗДЕ.

Секретари Президиума

Кирилл Евреинов
Евгений Гирс
Алексей Боголюбов

Председатель Президиума

Николай Козякин

Вице-председатель Президиума

Павел Олферьев

ВВЕДЕНИЕ

Вскоре после выхода в свет в 1970 году нашей книги «Кадетские корпуса за рубежом», возникла мысль о составлении дополнения к ней. В него должны были войти очерки о корпусах, находившихся в других местах Зарубежья, а кроме того различные добавочные сведения, не попавшие своевременно в книгу по каким либо причинам. Для сбора материалов обратились к нескольким кадетам, а я написал С. Маркову, сибиряку-Александровцу, окончившему Русский кад. корпус в Сараево, в составе VII вып., в 1927 году.

Покойный Маркуша,
Сергей Владимирович Марков

С. Марков с готовностью откликнулся на мою просьбу и составил полное и подробное описание судьбы его родного 1-го Сибирского Имп. Александра I кад. корпуса, вплоть до его расформирования в г. Сплите, в 1925 г. В это описание вошли полные исторические сведения о корпусе, воспоминания самого автора и ряда его однокашников, много фотографий, списки кадет и чинов персонала, описание реликвий, биографии выдающихся кадет и все, что было связано с корпусом и с его кадетами на их страдном пути от Омска и до Югославии. Большая работа проделанная С. Марковым, проникнута горячей любовью к России и к своему родному корпусу. Читая этот труд, невольно проникаешься глубоким уважением к автору и начинаешь любить и почитать его корпус с его, действительно, славным прошлым и с такой необычайной и тяжелой судьбой.

Неожиданная, безвременная смерть вырвала С. Маркова из нашей кадетской семьи и не позволила ему закончить вторую часть его обещания, — составить описание судьбы Хабаровского графа Муравьева Амурского кад. корпуса, дороги которого сошлись с дорогами сибиряков-Александровцев с ноября 1920 года. Это описание, начатое С. Марковым и оставшееся незаконченным из-за его кончины, было дополнено данными, сообщенными кадетами, Хабаровцами, и окончено при помощи материалов из архива корпуса, собранного «Союзом бывших кадет Хабаровцев» в г. Шанхае, в течение 1925-45 г.г., теперь находящегося в музее О.К.О. в С. Франциско.

Марков, Сергей Владимирович, Сережа или Маркуша, как его называли большинство друзей и однокашников, был коренным кадетом 1-го Сибирского Имп. Александра 1 кад. корпуса и, вместе с ним, прошел весь его тернистый путь до прибытия в Югославию в 1925 году. Уже с 13-ти летнего возраста, еще мальчиком, Марков принял участие в бробье против красных в составе Белых формирований в Сибири. В 15 лет он уже «Каппелевец» и получил орден 1-ой степени за Великий Сибирский Поход.

В 1925 г. С. Марков прибыл со своим корпусом в Сплит, в Югославии, и был направлен в Сараево, в Русский кад. корпус, который окончил в 1927 г. и получил атестат зрелости. Пребывание в Сараево описано самим С. Макаровым в одной из

дальнейших статей. По окончании корпуса он поступил в Белградский Университет, где ему пришлось и учиться, и зарабатывать на жизнь, а также принимать деятельное участие инструктором в Русском Спортивном Клубе. В 1933 г. были открыты РОВС'ом Военно-Училищные Курсы для подготовки молодых офицеров, которые С. Марков окончил в 3-м выпуске, когда уже чувствовалось приближение войны. Когда при РОВС'е была создана рота допризывной подготовки молодежи, под командой подполк. Гордеева-Зарецкого, подпоручик С. Марков, в числе других окончивших курсы, был привлечен в роту на должность младшего офицера.

При создании Русского Корпуса в Белграде он с первых же дней вступил в него, как командир отделения в юнкерских ротах в 1-м и 3-м полках. Он был автором песни «Русь зовет», которая пелась всеми юнкерскими ротами, но по свойственной ему скромности говорил, что эта песня пелась у каппелевцев. В 1943 г. он был командирован на радиокурсы и, после их окончания, переведен в службу связи. Осенью 1944 г., при отходе из Белграда, роте связи пришлось принять участие в боях, наряду со строевыми частями, и Марков, как один из немногих строевых офицеров в роте, вынес на своих плечах всю тяжесть этих боев. Весной 1945 г. он был командирован в Офицерскую Школу РОА, где и застал его конец войны.

После войны С. Марков служил в Мюнхене, в русской гимназии «Милосердный Самарянин», преподавателем гимнастики, а потом и инспектором классов, одновременно принимая деятельное участие в помощи бегущим из плена чинам РОА и спасавшимся от репатриации русским людям. Там же в Мюнхене, он женился в 1947 г. и его жена, Зинаида Константиновна, стала с тех пор верной спутницей его жизни. Переезд в США и нелегкая жизнь в новой стране не изменили редких качеств С. Маркова, который остался горячим русским патриотом, верующим православным христианином и убежденным антикоммунистом.

С. Марков скончался в возрасте 69 лет, 28 апреля 1973 года, от разрыва сердца. Богу угодно было послать ему необычную, мгновенную смерть без боли и страданий — в алтаре церкви, украшая храм перед праздником св. Пасхи. Да будет

легка чужая земля этому верному сыну России и достойному кадету славного Сибирского корпуса. Мысленно склоняясь перед еще свежей его могилой, мы посвящаем этот номер «Кадетской Переклички» его светлой памяти.

А. Росселевич

ПЕРВЫЙ СИБИРСКИЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го КАДЕТСКИЙ КОРПУС

1813 – 1925

Державный Основатель Корпуса.

Его Императорское Величество

Государь Император АЛЕКСАНДР I

КАДЕТСКАЯ ПЕСНЯ

Настает пора благая,
Уж труба трубит поход
И уж песня боевая
На победы нас зовет.

Неприятель грабит села,
Бьет он женщин и детей,
Не щадит он ни слепого
Ни Господних алтарей.

По смотреть на дело злое
Сердцу русскому невмочь,
Так и рвется ретивое
Беззащитному помочь.

Запоем мы песню эту,
Запоем мы впереди
Чтоб сибирскому кадету
было весело идти.

Время создания песни не известно, по повидимому она написана в одно из первых десятилетий корпуса (1845-1866), когда различные банды инородцев своих и из Китая нападали на русские переселенческие села и разоряли их.

1-й Сибирский Императора Александра 1 кад. корпус имел старшинство с 1-го мая 1813 г., когда в Омске было основано Войсковое Казачье Училище Сибирского Войска. Оно содержалось до 1825 г. на счет Войска и имело задачей пополнять его ряды молодыми казачьими офицерами. В 1825 г., 25 апреля, оно было переведено на казенное содержание, а в 1826 г. переименовано в Училище Сибирского Линейного Войска. В 1845 г., 24 октября было переформировано в Сибирский кад. корпус, а в 1907 г. получило наименование Омского кад. корпуса. В день празднования 100-летнего юбилея, в 1913 году, Государь Император пожаловал корпусу юбилейное знамя и повелел именоваться 1-м Сибирским Имп. Алекснадра 1 кад. корпусом.

Спокойная и размеренная жизнь корпуса продолжалась до начала марта месяца 1917 года, когда пришли известия о беспорядках в столице. Телеграмма об отречении Государя Императора поразила кадет, как удар грома. Кадеты единодушно не приняли революцию и с первых же дней проявили свое враждебное отношение к ней. Они недопустили служителей снять со стен портреты Царской Фамилии, не сняли с погон вензеля своего шефа, Имп. Александра 1, по прежнему пели молитву о здравии Государя и Его Августейшей Семьи и с особой отчетливостью отдавали честь офицерам, в нарушение всех революционных приказов.

По распоряжению Временного Правительства, корпус, как и все остальные корпуса, был переименован в гимназию Военного Ведомства. За время отсутствия кадет в течение летних каникул, с корпусных стен исчезли портреты Царской Семьи, знамя корпуса было увезено в Петроград, а из 1-й роты исчезли все винтовки. После октябрьского переворота, директором корпуса (гимназии) был назначен б. прапорщик Фатеев, который занялся введением новых порядков и отменил все старые правила, но встретил со стороны кадет единодушный отпор. С целью сломить это сопротивление и искоренить память о прошлом, Фатеев распорядился о снятии с кадет погон, угрожая в случае неповиновения закрыть гимназию. Чтобы не погубить корпус, кадеты сняли погоны, но не сдали их в цейхгауз, как это требовал Фатеев, а уложили в цинковый ящик и зарыли в саду.

В течение последующего времени и вплоть до освобождения Омска от советской власти летом 1918 года, кадеты приняли участие во всех народных выступлениях против большевиков в городе; после одного из них здание корпуса было красными обстреляно и занято красногвардейцами, т. к. у кадет не было оружия и сопротивление было невозможно. На следующий день, кадеты трех старших классов, в принудительном порядке были высланы по своим домам, но несмотря на их уход, младшие кадеты, оставшиеся в здании, продолжали сопротивление новым порядкам.

В занятии корпусного здания красными главное участие принял карательный отряд, состоявший из матросов Балтийского флота, гл. обр. с крейсера «Гангут», под командованием комиссара латыша Запкуса. Ворвавшись в здание, матросы обвешанные оружием и ручными гранатами, начали чинить расправу: обыски и допросы одиночные и групповые, сопровождаемые угрозами истребить всех, продолжались день и ночь. Искали зачинщиков и участников борьбы с красногвардейцами накануне, при защите казачьего собора, но все кадеты открыто заявляли о своей вражде и о том, что они все участвовали в выступлениях против красных.

После разгона старших классов, что должно было быть закончено к 9 февраля 1918 года, большинство кадет пошло в партизанские отряды атамана Анненкова и есаула Красильникова, действовавших в районе Омска; оставшиеся же в городе, вступили в различные организации, имевшие целью борьбу с красными. Кадеты 4-х младших классов были сведены в один возраст и размещены на втором этаже корпусного здания. В корпус был назначен новый комиссар, б. политический ссыльный Маленко, который энергично принялся за ломку векового уклада кадетской жизни, опираясь на комитет из служителей, во главе с председателем — старшим поваром. В длинной речи перед собранными воспитанниками, Маленко объявил о введении полной свободы с отменой обязательного посещения церкви, отдания чести, преподавания Закона Божия, танцев, пения и строевых занятий. Ученикам предоставлялось право создать, для разрешения вопросов внутренней жизни, комитет из представителей всех классов. Было приступлено к переделке обмундирования, с целью придать ему возможно более штатский вид. Но все эти нововведения натолкнулись на упорное споротивление воспитанников, а кро-

ме того, многие родители начали брать своих детей из реформированной гимназии, видя что при новых порядках она быстро разваливается.

К началу апреля 1918 г. число оставшихся учеников не достигало даже 100 чел., гл. обр. иногородних; большая часть корпусного здания была занята красногвардейцами, среди которых было много военнопленных. К этому времени комиссар объявил, что учащиеся будут отпущены после Пасхи сразу на лето. После этого в корпусе осталось лишь полтора десятка воспитанников, которых перевели в гимнастический зал, а все громадное здание корпуса поступило в полное распоряжение красных.

После освобождения Омска от власти красных в июне 1918 г., кадеты вернулись в корпус к началу учебного года. Но вернулись не все, т. к. часть кадет осталась в армии, а часть погибла в боях; среди всех их было немало кадет младших классов, были и раненые, и убитые. Эта убыль была покрыта кадетами других корпусов, оказавшихся в Сибири из- за революционных событий. Директором корпуса был назначен ген. майор В. Д. Нарбут. Здание корпуса оказалось загаженным красными, имущество было разрушено и разграблено, и огромных трудов стоило наладить жизнь и занятия. К счастью, почти все офицеры-воспитатели и преподаватели также вернулись и с их помощью удалось постепенно преодолеть почти все затруднения. В самом начале учебного года корпус (который все еще назывался гимназией) посетил ген. Иванов-Ринов, командующий войсками Омского гарнизона, который объявил о решении правительства вернуть воинским частям погоны. Кадеты встретили это известие с восторгом; ящик с погонами был выкопан из земли и кадеты снова одели их.

18-го ноября 1918 г. произошел в Омске переворот и власть перешла в руки адмирала А. В. Колчака, который стал Верховным Правителем России. С его приходом к власти, военная гимназия была переименована в 1-й Сибирский Кадетский Корпус, которому была возвращена его военная организация: возрасты были переименованы в роты и старшим классам были выданы винтовки. Ввиду того, что в здании корпуса был размещен особый отряд чехо-словаков, из-за недостатка помещения корпус в это время состоял только из двух рот. Корпус пользовался большой любовью и вниманием со стороны

адмирала Колчака, который видел в кадетах надежную воинскую часть. Несколько раз в течение года 1-я рота поднималась ночью по тревоге, когда красные пытались устраивать в городе беспорядки; кроме того, строевая рота несла караулы у дома, где заседало правительство.

Занятия в корпусе проходили нормально и весной 1919 года выпускной класс был отправлен в г. Томск, на созданные там военно-училищные курсы. Кадеты, оставшиеся в корпусе на лето, были привлечены к воинскому обучению гражданского населения Омска, а свободные от этого другие кадеты заместили на летнее время писших чинов Гл. Штаба, отправленных на фронт по приказанию Верховного Правителя. Но летом 1919 г. положение на фронте заставило опасаться за судьбу Омска и адмирал Колчак приказал эвакуировать корпус во Владивосток. Кадеты, бывшие в отпуску, были вызваны и в июле стали съезжаться в корпус. Но из тех, кто находился в армии, вернулись не все; часть их уже погибла, а многие остались в армии и судьба их была неизвестна.

ОТЪЕЗД КОРПУСА ВО ВЛАДИВОСТОК.

Покинув Омск 30 августа 1919 г., корпус прибыл во Владивосток ровно через месяц, 30 сентября. Из здания корпуса удалось взять лишь самое необходимое имущество, т. к. кадетам было предоставлено очень ограниченное количество вагонов-теплушек. Сильно сказывался недостаток обмундирования, но пополнить запасы не было возможности. С болью и горечью простились кадеты с родным гнездом, где в течение свыше ста лет росли и воспитывались их отцы и деды. От корпуса до вокзала прошли в строю, сопровождаемые многочисленными родственниками и горожанами. Погрузка происходила на воинской платформе, где был отслужен напутственный молебен. Для охраны эшелона в пути был получен пулемет и ограниченное количество винтовок; остальные, по приказанию военного командования, были сданы до эвакуации. Почти весь преподавательский персонал и служащие корпуса остались в Омске.

При проезде через Иркутск, корпус встретил очень теплый прием со стороны кадет Иркутского, а также Псковского и Оренбургских корпусов, которые там находились. Быстрому продвижению по Забайкалью способствовали распоряжения

атамана Семенова, к которому своевременно обратился с просьбой директор корпуса ген. Нарбут. В Чите атаман Семенов произвел корпусу смотр и предложил оставить его в этом городе, но директор отклонил это предложение и, в исполнение приказа адм. Колчака, продолжил путь через Манджурию на Владивосток, куда прибыли 30 сентября. Во Владивостоке корпус был размещен на Русском Острове, в 3-х верстах от пристани Подножье. Это был небольшой гористый остров, прикрывавший крепость Владивосток со стороны моря. Он весь был занят казармами и крепостными сооружениями; корпусу были отведены казармы 9-й Сибир. стрел. артиллерийской бригады и много офицерских флигелей, расположенных вокруг.

Казармы эти представляли собой 3-х этажные кирпичные здания, имевшие по четыре больших помещения на каждом этаже. Но они оказались совершенно неприспособленными для учебного заведения. При помощи китайских и корейских рабочих удалось в сравнительно короткий срок произвести необходимые работы и привести казармы в относительно приличный вид. Из крепостных складов удалось получить кровати, парты и др. предметы обстановки, а также и библиотеку, портреты Царской Семьи и картины, когда-то украшавшие офицерские собрания и казармы. Но очень плохо обстояло дело с продовольствием и обмундированием. Сибирские деньги быстро падали в цене, покупать продукты питания было чрезвычайно трудно и весь корпус жил впроголодь. Обмундирование удалось достать у англичан и кадетам пришлось одеть форму английской пехоты, а позднее румынской. Но несмотря на все лишения, в начале октября начались учебные занятия, которые скоро вошли в нормальную колею, хотя все время нехватало учебников и других пособий.

В корпусе работали в это время военнопленные немцы и мадьяры. Из-за развала власти и общей распущенности, распускались и пленные, которые объявили забастовку, требуя себе условий жизни одинаковых с кадетами во всех отношениях. Все они, конечно, были уволены и их место заняли кадеты, взяв на себя все работы по обслуживанию корпуса.

С осени 1919 г. политическое и военное положение стало все более и более усложняться. 17 ноября произошло во Владивостоке выступление чешского генерала Гайды, совместно с Якушевым. Для подавления этого выступления, с Русского

Острова были вызваны юнкера 1-го Артил. Училища и Учебной Инструкт. Школы, а также гардемарины Морского Училища; в составе этих частей было много кадет-сибиряков. Восстание закончилось арестом Гайды. Те же части, 26 января 1920 г., приняли участие в подавлении бунта Егерского батальона.

В конце декабря 1919 г. 7-й класс ускоренно закончил курс и часть окончивших кадет поступила в Читинское Военное Училище, а другая часть в Морское. Но положение становилось все хуже и хуже и, в связи с этим, ночью с 30 на 31 января 1920 г. гардемарины Морского Училища ушли в море на двух кораблях: вспом. крейсер «Орел» и посыльное судно «Якут». Во Владивостоке, 31 января, образовалось новое, очень левое правительство, под названием «Приморской Областной Земской Управы», во главе с эсером А. С. Медведевым. Вскоре пришло известие об убийстве 7-го февраля, в Иркутске, адмирала Колчака, и это окончательно разрушило все надежды на востановление национальной власти. С этого момента положение корпуса еще более ухудшилось. В середине февраля, зараженные большевизмом чины Инстр. Школы и солдаты местного батальона оцепили расположение корпуса и потребовали сдачи оружия, которое в корпусе имелось в незначительном количестве. Ввиду явной бесполезности сопротивления, оружие было сдано, чтобы избежать кровопролития. В корпусе появилась вскоре целая делегация от новой власти, которая собрала всех кадет и долго уговаривала примкнуть к новому строю, восхваляя новые порядки и ругая старые. Делегация не добилась ничего и встретила со стороны молчаливых кадет явную враждебность. Вскоре после них корпус посетил новый комендант крепости Владивосток, быв. подполковник Краковецкий, который потребовал чтобы и кадеты и офицеры надели красные звезды, на приветствия отвечать «здравствуйте» и вообще полностью уничтожить все, что походило на старые корпусные порядки.

К счастью, красные опасались полностью проявить свою власть и расправиться с кадетами, т. к. в Уссурийском Крае и во Владивостоке находились части Японской армии, а также военные корабли и отряды союзников. Они не допускали в район их оккупации боевые части Красной армии и разрешали иметь там лишь ограниченное количество милиции. В это время, остатки отступавшей из Сибири Белой армии находи-

лись в Забайкалье, где продолжали борьбу с красными, совместно с частями ат. Семенова и Японского оккуп. корпуса. Многие из кадет 1-й роты различными нелегальными путями пробирались в Читу и вступали в части атамана Семенова, в которых целые команды и группы состояли полностью из кадет. Но для остававшихся в корпусе положение становилось все более и более тяжелым. Доставать продовольствие и обмундирование было чрезвычайно трудно и директору корпуса, ген. майору Нарбуту, приходилось находить всяческие способы, чтобы хоть как нибудь прокормить корпус. Питание было исключительно скудным, не было ни средств, ни каких либо запасов. Делались попытки, оказавшиеся безуспешными, хлопотать через японское и французское консульство об эвакуации корпуса в более безопасное место, обращались также к представителям белых русских в Японии, но помощь не приходила ни откуда.

Осенью 1920 г. японцы заключили с красными перемирье и потребовали, чтобы его соблюдали также и части Белой Армии. Боевые действия прекратились и, поэтому, кадеты находившиеся в армии, стали возвращаться в корпус. В августе 1920 г., японские части эвакуировали Хабаровск и Хабаровский кад. корпус покинул город и прибыл во Владивосток, заняв на Русском Острове казармы 35-го Сибирского стр. полка. В ноябре 1920 г. из Забайкалья пришли тревожные вести о том, что после ухода японцев, красные напали на наши части, которые под давлением их превосходящих сил были принуждены уйти в Манджурию, сдав китайцам оружие на границе. К началу января 1921 г. армия была перевезена в Приморье, где и была интернирована в местах расположения японских частей: отряды ат. Семенова в ст. Гродеково, а сибирские (каппелевцы) в Никольск-Уссурийском и в военном городке Раздольное.

Наконец, в середине января 1921 года, из центра пришло распоряжение ликвидировать корпус, как остаток старого режима. В связи с этим, областное правительство передало корпус из Военного Ведомства в Отдел Народного Образования. Это привело к тому, что в течение февраля корпус не получил ни откуда никаких ассигнований и был вынужден и голодать, и мерзнуть. За этим последовало распоряжение закончить учебный год к 1 апреля, причем в дальнейшем 7-й класс больше не должен был существовать. К этому же сроку все

начальствующие лица должны были быть заменены назначенными из центра. Это означало, что с 1-го апреля корпус должен был полностью перейти в руки большевиков; к счастью, этот срок удалось перенести на 1-е июня, а майский переворот помешал осуществлению этого плана красных.

В это время интернированные белые части, при молчаливом согласии японцев, усиленно подготовляли переворот в Приморье. Он был назначен на 31 марта, но в последний момент был отложен. Не все группы были об этом своевременно предупреждены и отряд, назначенный для захвата вокзала, повел на него наступление, но был встречен огнем красных и отступил. В состав этого отряда входили кадеты-сибиряки и один из них, в.ун.оф. М. Блосфельд (вып. 1920 г.) был убит. После этого неудавшегося выступления, положение корпуса сделалось совершенно катастрофическим и ему грозил настоящий голод. Директор, ген. майор Нарбут, решился тайно послать командира 1-й роты полк. Попова-Азотова к атаману Семенову с просьбой о помощи. Результатом этой рискованной поездки было получение двух вагонов провизии, присланных через одну местную фирму, что позволило избежать контроля и репрессий со стороны красных.

26 мая 1921 г. красная власть в Приморье была свергнута и кадеты приняли деятельное участие в этом перевороте. Во Владивостоке было создано национальное правительство, во главе которого стал С. Д. Меркулов, а командующим армией ген. лейт. Вержбицкий. Летом того же года из Сибирских и Хабаровских кадет, уехавших в армию, была сформирована рота под командой подполк. Сейфуллина, которая была переведена на ст. Гродеково, где стала личным конвоем ат. Семенова. Другая крупная группа кадет образовала взвод в добровольческой батарее, которой командовал полк. Гайкович. Осенью 1921 г. на Русском Острове было открыто Корниловское воен. училище в составе пехотной роты и конного взвода. В него перешли кадеты окончившие корпус, который расстался также и со своим директором, ген. майором Нарбут, получившим назначение Инспектором классов в училище. Новым директором был назначен полк. Е. В. Руссет, бывший до этого командиром 1-й роты, произведенный в чин ген. майора на корпусной праздник 6/19 декабря.

Учебный 1921/22 год прошел сравнительно нормально. Ряды кадет пополнились сыновьями офицеров и гражд. лиц из

Владивостока, а также и молодежью, откомандированной из частей армии для продолжения образования. Весной 1922 г., окончившие корпус кадеты пошли частью в Корниловское воен. училище, другие же в армию, в казачьи части, во флот и в Пограничную стражу. В течение этого учебного года, армия очистила Приморье от красных партизан и, разбив Дальне-Вост. красную армию, заняла г. Хабаровск, пройдя за месяц 500 верст с беспрерывными боями.

1 июня 1922 г. во Владивостоке произошли политические перемены и образовавшееся Национальное Собрание сменило правительство Меркулова. Открывшийся 23 июля Земский Собор единогласно избрал ген. лейт. М. К. Дитерихса Правителем Приамурского Земского Края и Воеводой Земской Рати, как была названа армия. Но в конце лета японские части полностью покинули Приморье и положение стало быстро меняться к худшему. В то время как в августе в корпусе начались занятия, обстановка на фронте стала ухудшаться все более и более. В середине сентября красные начали свое наступление и уже через месяц военное командование было принуждено послать на фронт все боевые части из Владивостока, в том числе и военное училище. 7-й класс корпуса был переведен в помещение училища, а кадеты 6-го класса, под командой полк. Л. П. Баженова, были отправлены на материк, для охраны железной дороги, для чего был сооружен импровизированный бронепоезд. Но во второй половине октября 1922 г. началась подготовка к эвакуации Владивстока.

ЭВАКУАЦИЯ КОРПУСА ИЗ РОССИИ.

Сибирская флотилия состояла из небольшого количества судов каботажного плавания, нескольких мелких судов и одного небольшого ледокола. Обоим кадетским корпусам было объявлено, что из-за неимения перевозочных средств и ввиду полной неопределенности будущего, корпуса не могут быть вывезены. Такое положение вызывало большие опасения за судьбу кадет после прихода красных и, поэтому, директора обоих корпусов, ген. майоры Руссет и Корнилов, обратились к командующему флотилией, контр-адмиралу Старку, после того как Правитель Края ответил, что у него нет никакой возможности помочь. Адмирала просили хотя бы перебросить кадет на другую сторону залива Петра Великого, в г. Посьет,

где они могли бы присоединиться к белым частям, отходившим походным порядком на китайскую границу. Ген. Руссету удалось убедить адмирала взять кадет при условии размещения их на палубах кораблей и принятия ответственности за их будущее самим директором. Из сумм, ассигнованных Правителем, адмирал передал на дорожные расходы корпусов 1000 иен.

По возвращении на остров, директор собрал педагогический комитет, сообщил о результатах переговоров и предложил каждому решить свою дальнейшую судьбу. Ввиду трудности предстоящего пути и полной неопределенности будущего, было решено взять с собой только тех маленьких кадет, кто имел братьев в старших классах; тех же, кто поступил уже во Владивостоке и кто имел там родителей, было решено оставить и передать их семьям. Чинам персонала было предложено на выбор, уезжать или остаться. Почти все преподаватели и служащие, а также часть воспитателей, имевших семьи, решили остаться. За исключением тех маленьких кадет, которых взяли их семьи, на Русском Острове остались около 30 кадет 3-й роты и четверо из старших классов.

24 октября 1922 г., готовый к походу, корпус был построен на плацу 1-й роты. Был отслужен напутственный молебен, по окончании которого, по команде, 1-я рота взяла винтовки «на плечо», оркестр заиграл любимый кадетами марш «Старые друзья» и корпус направился на пристань «Подножье», покидая навсегда свои казармы, с которыми успел сродниться за эти годы. На плацу сиротливо стояла группа остающихся. Местные жители, успевшие привязаться и полюбить кадет, присоединялись к провожающим и сопровождали их до самой пристани в бухте «Новик», где собралась вся флотилия, покинувшая Владивостокскую бухту «Золотой рог» еще ночью.

По каким то причинам посадка на суда была отложена до следующего утра и корпусу пришлось провести свою последнюю ночь на родной земле под открытым небом, под мелким осенним дождем и при сильном ветре. Мало кому приходило в голову попытаться заснуть в эту ночь; одни продолжали свое прощанье с пришедшими их проводить корпусными барышнями, остающимися на Острове, другие вели невеселые беседы о своей дальнейшей судьбе. Утром, с 8-ми часов, началась посадка на суда. Младшие классы были посажены на

транспорт «Защитник», а старшим пришлось разместиться на палубах канон. лодки «Диомид» и небольшого парохода «Фарватер». Посадка происходила под проливным дождем и сильным ветром, которые было особенно трудно переносить детям.

В 11 ч. утра, 25 октября 1922 г., корпус покинул бухту «Новик» и родные берега. При отходе флотилии кадетский оркестр заиграл народный гимн «Боже Царя Храни» и эти торжественные звуки заставили еще больше сжаться сердца кадет. А из Владивостока доносились звуки стрельбы входивших красных и были видны пожары в разных местах города.

Море встретило корабли мертвой зыбью и многих кадет сразу же укачало. Ночью пришли в бухту Посьет, около городка под тем же названием. Это был последний клочек русской земли. Здесь кадетам было приказано сдать оружие, которое было погружено на баржу и затоплено. Опасаясь нападения со стороны большевиков, на берег отправили дозоры, которые скоро сообщили о приближении красных частей. В 6 ч. утра 27 октября, эскадра снялась с якоря и пошла в Корею, сопровождаемая бурной погодой и снегом. Это привело к тому, что все суда потеряли друг друга из вида и только к 31 октября смогли собраться в корейском порту Гензан. Здесь, почти на всех судах, были обнаружены многие неисправности, вызванные тем, что эти буксирные корабли мелкого тоннажа, были совершенно неприспособлены к дальним плаваньям, особенно в снежную погоду. Это заставляло их искать прибежища в ближайших бухтах и, например, кан. лодка «Диомид», на которой были кадеты, вынуждена была заходить в бухты Корейскую, Корнилова и Палладу.

За эти несколько дней перехода до Гензана, кадетам пришлось быть в исключительно тяжелых условиях. Размещаться пришлось на палубе и лишь немногим удалось пробраться в машину и расположиться на решетках, где чувствовалось тепло от котлов. Вопрос с питанием стоял очень плохо: корабельные запасы были рассчитаны на определенный состав команды, но из них пришлось уделять доли и на кадет, и на чинов армии, и на беженцев. Все это заставило кон. адм. Старка пересмотреть вопрос о размещении кадет и распределить их малыми группами по всем кораблям. Это дало им возможность, во 1-х, разместиться не на палубах, а в более теплых и сухих внутренних помещениях, а во 2-х, питаться вместе с командами, исполняя по мере сил всякую судовую работу. Кадеты-

сибиряки были размещены гл. образом на канон. лодках «Байкал» и «Илья Муромец», на вспом. крейс. «Лейтен. Дыдымов», на тральщиках «Парис» и «Аякс» и на посыльных суднах «Фарватер» и «Страж».

Прибыв 31 октября в корейский порт Гензан, флотилия простояла там почти месяц, до 29 ноября. В этом порту с кораблей сошли все раненые и больные, а также семьи чинов армии и некоторые части последнего гарнизона Владивостока. С ними же сошли на берег и их сыновья, кадеты 3-й роты, всего человек 15, которые лишь в начале апреля 1923 года соединились с корпусом в Шанхае. Покинув, наконец, этот порт, флотилия через три дня пришла в г. Фузан, на юге Кореи. Проходя мимо о. Цусима, все были вызваны наверх для отдания чести нашим морякам, погибшим здесь в Цусимском бою, в Русско-Японскую войну. На всех судах, где были священники, служились панихиды. В Фузан пришли в 10 ч. утра и простояли там 5 дней, дожидаясь когда подойдут все отставшие суда. Японцы отнеслись к кадетам заботливо и внимательно.

2 декабря флотилия снова вышла в море и взяла направление на Шанхай, через Китайское море. Оно встретило русские корабли жестоким тайфуном и этот последний этап плавания был трагическим и для эскадры, и для корпуса. Тайфун разбросал корабли и они потеряли друг друга из вида. Борьба с разбушевашейся стихией продолжалась двое суток и в ней кадетам пришлось бороться для спасения кораблей наравне с матросами. На «Диомиде», в самый разгар бури в кочегарке вышел весь уголь, а запасный был в трюме, куда было очень трудно и опасно пробраться из-за волн, которые перекатывались через всю палубу. Остановка машин грозила кораблю гибелью, т. к. он неминуемо повернулся бы вдоль волны и был бы перевернут из-за своего плоского дна. Положение спасли 10 кадет сибиряков, которые вместе с двумя матросами, с опасностью для жизни, наладили переноску угля ведрами в кочегарку и не позволили машинам остановиться. На одном из других кораблей волны образовали трещину в палубе, вода проникла в угольные ямы и в кочегарку, затопив топку и остановив машину. Кадеты, вместе с командой, работали всю ночь, вычерпывая воду простыми ведрами и отстояли судно. Почти каждому кораблю пришлось много бороться с разбушевавшимся морем, многие были на краю гибели и всю-

ду самоотверженная работа кадет и команды спасала их от потопления.

Сильно потрепанные, полуразбитые, собирались корабли на внешнем рейде Шанхая. Только к 18 декабря пришел из Фузана последний, задержавшийся там корабль, не было только «Лейтенанта Дыдымова». После нескольких дней ожидания стало ясно, что корабль этот погиб, но никаких подробностей его гибели выяснить не удалось, т. к. не только с него никто не спасся, но даже не было найдено никаких остатков корабля, или тел погибших на нем. Единственное, что увидели с кораблей, следовавших в кильватерной колонне за «Лейтен. Дыдымовым», это, как этот корабль был высоко поднят на гребне огромного вала и затем стремительно ринулся в пучину. Больше «Лейтен. Дыдымова» никто не видел. На нем погибло 16 кадет-хабаровцев и 14 сибиряков; вот список погибших кадет-сибиряков:

Гудим, Константин
Доброхотов, Сергей
Конаржевский, Глеб
Лаврищев, Александр
Лноранцевич, Иаков
Максимович, Георгий
Оссовский, Лев
Петухов, Алексей
Поляков, Алексей
Пучковский, Всеволод
Семенников, Николай
Суслов, Николай
Филатьев, Валентин
Халютин, Максимилиан

Уцелевшие корабли встали на якорь перед старой китайской крепостью Вузунг, в устье реки Янг-це. В день корпусного праздника, 19 декабря, кадеты со всех кораблей были собраны на «Байкал», где держал свой флаг кон. адм. Старк. Корпус был построен на палубе и, после молебна, адмирал поздравил кадет с праздником. Оркестр сыграл традиционный фанфарный марш, после чего кадет распустили. Так справил корпус свой первый праздник на чужбине.

Хлопоты о разрешении кадетам сойти на брeг не увенчались успехом. Местные власти опасались взять на себя ответственность за содержание корпуса и не соглашались выдать разрешение на въезд в город. Что касается кораблей, то адмирал первоначально предполагал идти с эскадрой в Америку, но она принять кадет отказалась. Впоследствии, эскадра ушла в Манилу, на Филиппинские о-ва. Вскоре выяснилось, что в Шанхае образовался благотворительный комитет, в который вошли дамы русской колонии, поставив себе целью позаботиться о судьбе кадет.

В конце декабря 1922 г. китайские власти выдали частичное разрешение сойти на берег 30-ти кадетам. Через корот-

кое время все кадеты, и сибиряки, и хабаровцы, сошли в город небольшими группами, т. к. каждая прошедшая группа возвращала с одним из кадет свои пропуски с тем, чтобы ими воспользовалась следующая группа. При содействии благотворительного комитета был арендован на очень льготных условиях большой особняк на Jessfield Rd. 4, в котором разместили полностью и Сибирский, и Хабаровский корпуса. Почти сразу же удалось организовать занятия, но т. к. почти весь педагогический персонал остался на Русском Острове, то его пришлось пополнить в Шанхае из состава русской колонии. Условия жизни были тяжелыми, питание было скудное, нередко приходилось мерзнуть, особенно по ночам. Спали в тесноте на полу и на нарах, занимались без столов и скамеек, при полном отсутствии учебников, вместо которых составляли конспекты под диктовку преподавателей. Но кадеты безропотно переносили лишения и неудобства, радуясь что корпус сохранился и что красным не удалось его погубить. Вскоре пришла радостная весть о том, что группе кадет 3-й роты, оставленной на Русском Острове, удалось оттуда выбраться и что они смогут соединиться с корпусом через несколько месяцев.

СПАСЕНИЕ ГРУППЫ КАДЕТ 3-й РОТЫ.

Когда стало известно, что только лишь малая часть кадет 3-й роты будет взята на корабли и что остальные останутся на Русском Острове, то группа в 13 человек 1-го и 2-го классов решила попробовать попасть на суда флотилии самостоятельно. Они послали «лазутчика» во Владивосток, чтобы упросить коменданта транспортного судна для раненых и больных воинов, полк. Муганцева, взять их группу на этот корабль. По возвращении «лазутчика» в корпус, он сообщил своим товарищам радостную весть о согласии коменданта и, одновременно, о том, что старшие кадеты будут погружены на суда 24 октября. Накануне этого дня, эта группа малышей нашла старый баркас и спрятала его среди скал, ниже пристани «Подножье», где должна была произойти посадка на суда. Это было сделано потому, что малыши не имели возможности переправиться во Владивосток обычным путем, т. к. катер «Стрелок», обычно служивший для этих переездов, уже перестал ходить через залив.

Утром, 25 октября 1922 г., корпус был посажен на суда флотилии, а группа 13-ти бросилась к баркасу, но увы!.. его кто-то нашел и, повидимому, куда-то угнал. Велико было горе маленьких кадет, но вдруг они увидели идущий вдоль берега плот с двумя китайцами, торговцами арбузов. В юных головах сразу же созрел план: они подозвали китайцев к берегу, как будто для покупки у них арбузов, и отобрали у них плот. Погрузившись на него, погнали через бухту «Новик» к каналу, прорытому через перешеек острова с тем, чтобы пройдя его доплыть до Владивостока и сесть на заветный транспорт. Плот приводился в движение длинным веслом, укрепленным на задней стороне, путем безостановочного вращения его, так наз. «юления». С суши поднялся сильный ветер, единственное весло сломалось и волны стали гнать плот из бухты в открытое море. Тогда «мореплаватели» не знали, что это было их спасением, т. к. если бы плот добрался до Владивостока, то они попали бы в руки красных; к тому времени все суда покинули Владивостокскую бухту «Золотой Рог» и город был в руках большевиков.

Три дня и три ночи плот несло все дальше и дальше от русских берегов. Холодный ветер с мелким дождем и брызги от волн пронизывали юных мореплавателей до костей. Вся одежда промокла и превратилась в лохмотья, гибель грозила им каждую минуту. Ни пресной воды, ни еды у них не было; не было также никакого понятия о том, где они находятся и куда их несет. Но уныния у них не было, все мысли сосредоточились на том, чтобы крепко держаться на плоту и чтобы волны никого не смыли в море. Господь Бог сжалился над ними и в конце третьих суток они увидели пароход. Из последних сил начали кричать и махать ему всем, чем смогли; велико было счастье мальчиков, когда их увидели с парохода и спустили лодки, чтобы их подобрать. Это было японское торговое судно. Японцы приняли спасенных радушно, обогрели их, накормили и напоили, одели и долго удивлялись их отваге и решимости. Они довезли их до ближайшего корейского порта и передали там на попечение японских властей. И население, и власти этого маленького портового городка оказали им большое внимание и почести. Поместили их в японские военные казармы, где они должны были отбыть положенный карантин.

Через несколько дней их отвезли в г. Дайрен, быв. Порт Артур, где всех их разобрали по домам богатые японцы, ко-

торые отнеслись к ним очень хорошо. Один из них, В. Андреев, попал к директору местного отделения Токийского банка, а «вождь» мореплавателей, Г. Мархинин, к японскому буддийскому священнику. Через некоторое время всех кадет собрали вместе и перевезли в Мукден, где тогда находилась ушедшая из Приморья Белая Армия, Земская Рать — как она тогда называлась. Там, в Мукдене, они наконец попали под опеку полк. Муганцева, начальника русской комендантской команды. Там же они узнали о судьбе корпуса и об его местонахождении, но в Шанхай они попали только через шесть месяцев и с торжеством присоединились к корпусу.

ПРЕБЫВАНИЕ КОРПУСА В ШАНХАЕ.

Дом, в котором разместились корпуса, когда то принадлежал какому то испанцу, который из ревности убил в нем свою жену и она, как рассказывали, «привидением» бродила по зданию. Желающих снять дом с такой репутацией не находилось и, поэтому, его сдали корпусам по крайне дешевой цене, как говорили — с целью выжить привидение и рассеять убыточные слухи. В этом здании кадеты оставались до осени 1923 года, после чего переехали в новый дом на Paoshan Rd, вблизи русской церкви. В этом доме корпус занял целый ряд смежных квратир и, хотя район расположения был значительно хуже, но на новом месте было гораздо свободнее, а также и ближе к большому парку, где кадеты проводили все свое свободное время.

С приездом в Шанхай корпусного священника о. Е. Яхонтова, возобновились регулярные богослужения, сначала в нижнем этаже здания, потом в походной церкви, сооруженной на участке, корпуса, при деятельном участии кадет. Хороший кадетский хор способствовал тому, что церковь посещалась многочисленными прихожанами, при чем многие из них приглашали кадет к себе в отпуск и старались быть чем нибудь полезными кадетам. Корпусной оркестр, выступивший на одном из балов, организованном дамским комитетом, сразу же обратил на себя внимание общества. Один из видных музыкантов Шанхайского Муниципального оркестра, М-р Персю, предложил свои услуги в качестве дирижера оркестра и под его руководством музыканты сделали большие успехи. Ор-

кестр вскоре получил приглашение играть на ипподроме в дни скачек и оплата его труда была очень ценной для скромного бюджета корпуса.

Когда в работе дамского комитета появились затруднения и материальная поддержка должна была прекратиться, в корпусе были организованы мастерские: столярная, переплетная, сапожная и скульптурная. Они принимали заказы и доходность их имела большое значение для средств корпуса. Несмотря на исключительно трудные материальные условия, верность кадетским традициям и тесная спайка сказывались во всем и помогали переносить все лишения.

Когда прекратилась деятельность дамского комитета, кадеты оказались в очень тяжелом материальном положении. Сначала, среди участниц комитета возникла мысль распылить кадет, устроив их в частные семьи и по различным конвентам и другим организациям, находившимся в ведении инославного духовенства. Но план этот был отставлен, ввиду категорического протеста кадет, чувствовавших что это поведет к гибели корпуса, который они всеми силами стремились сохранить.

Весной 1923 г. 96-й выпуск в составе 42 кадет окончил курс 7-го класса и был 1-м выпуском заграницей. Почти все окончившие остались жить в корпусе и только лишь те, кто постепенно устраивался на какую либо службу, покидали корпус, но не порывали с ним самую тесную связь. Постепенно судьбой кадет заинтересовались представители иностранных колоний Шанхая, гл. обр. французской и английской. Из их среды был организован Комитет помощи сиротам участников Великой войны, во главе которого встал г. Шарль Гробуа, участник войны и инвалид французской армии. Русскую колонию в этом комитете представляли гвардии полк. Эльснер и прис. пов. Н. Н. Шендриков. Комитет деятельно принялся за изыскание средств для своей работы. Была организована ежемесячная денежная лотерея; прибыль от нее поступала в кассу комитета, который из этих сумм отпускал средства директорам обоих корпусов. Было сшито новое обмундирование, т. к. старое пришло в полную негодность. Для сокращения расходов шинели были заменены бушлатами, мундиры же остались как парадная форма и кадеты их бережно хранили.

Международный комитет, считая что пребывание кадет в Шанхае может иметь лишь временный характер, с первых

же дней своей деятельности стал изыскивать возможности для отправки кадет в Югославию, где уже нашли себе приют корпуса, существовавшие на юге России. Среди кадет и окончивших корпуса была произведена анкета, с целью выяснить их настроения и желания. После этого, началась оживленная переписка между Шанхаем и Белградом, в результате которой было выяснено сочувственное отношение к проекту переезда со стороны В. Штрандмана, последнего посланника Императорской России в Белграде, и дейст. стат. совет. И. Окулича, по докладу которых король Александр 1 одобрил план переезда корпусов, с целью дать кадетам возможность закончить образование в нормальных условиях. Но нужно было найти необходимые средства на переезд и снабдить корпуса самым необходимым, хоть бы на первое время; главным, хотя и недостаточным, источником средств была лотерея, о которой уже говорилось выше.

Группа со Звериадой — Шанхай 1924 г.

Лето 1923 г. было жарким, но кадеты не привыкшие к этому климату перенесли его легко, проводя свое время на свежем воздухе. Много внимания уделялось футболу и боксу, очень популярным в Шанхае. С наступлением осени возобновлялись занятия. По возможности придерживались прежней программы, но был добавлен английский язык. Были приняты все меры к тому, чтобы занятия шли нормальным путем, но было много затруднений из-за отсутствия учебников и примитивности обстановки.

Корпусной Праздник — 19 декабря

В день корпусного праздника 6/19 декабря, после торжественного богослужения, директор ген. Руссет принял парад кадет, которые прошли перед ним церемониальным маршем, под звуки фанфар, в присутствии многих зрителей, наблюдавших за кадетами с нескрываемым любопытством и одобрением. Вечером в этот день, во французском Клубе состоялся большой бал; перед началом бала была поставлена инсценировка стихотворения кадета Морозовича «Возрождение России». Во время действия оркестр тихо исполнил национальный гимн «Боже, Царя храни!», при первых звуках которого публика заполнившая обширное помещение клуба, встала и прослушала его стоя. В концертной программе перед балом участвовали и кадеты, и видные артисты, находившиеся в то время в Шанхае. Бал привлек массу международной публики и прошел исключительно успешно.

ОТЪЕЗД В ЮГОСЛАВИЮ ПЕРВОЙ ПАРТИИ КАДЕТ В ФЕВРАЛЕ 1924 г.

Ограниченность средств не позволила отправить весь корпус сразу; поэтому, в первую очередь были отправлены младшие классы с приготовительного по 4-й, во главе с директором ген. Руссетом. Путешествие это было описано одним из участников, кадетом В. Андреевым, и мы помещаем ниже его рассказ.

«Помню хорошо тот день в феврале 1924 г., когда наша группа в 25 кадет, во главе с директором корпуса ген. Руссетом и полк. Баженовым, шла по главной улице Шанхая к пристани. Впереди шел наш кадетский оркестр, который беспрерывно играл знакомые нам строевые марши. За ними шел строем, провожая нас, весь наш корпус. На пристани с нами попрощался весь персонал нашего корпуса и наши старшие товарищи кадеты. На расстоянии мили от пристани, стоял на реке большой американский пароход «Президент Харисон», на который нас перевезли на катере; посадка произошла днем и около 11 ч. вечера мы покинули Шанхай.

«Наше путешествие было красочным и очень интересным; можно сказать, что мы плыли 40 дней и 40 ночей, с остановками по 2-3 дня в больших портах. Ехали мы в 3-м классе, отношение к нам было прекрасное и со стороны пароходного персонала, и со стороны пассажиров. В нашей группе было несколько музыкантов и каждый раз, когда на пароходе устраивались «парти» или танцы, нас приглашали на них или как гостей, или как артистов — петь и играть. За все наши выступления нас награждали аплодисментами и подарками, в том числе и денежными. Наше положение было известно всем пассажирам и они относились к нам с большой симпатией. В 3-м классе не полагалась стирка личного белья для пассажиров, но за каждую лично выстиранную вещь администрация парохода платила 10 центов. Поэтому, многие в нашей группе умудрялись одну и ту же рубашку выстирать раз 5-6 за неделю. За каждую выглаженную вещь тоже платилось 10 центов. Кормили нас 4 раза в день и очень хорошо.

«Первой нашей остановкой был Гонгконг. Здесь мы стояли $^1/_2$ дня, но на берег нас не пустили. Следующая остановка была на Филиппинах, на 1 день в Маниле, которую тоже пришлось рассматривать только с парохода. Потом прибыли в Сингапур и нам было разрешено сойти на берег, где у нас во время прогулки произошел небольшой эпизод. По городу мы ходили группами в 5-6 человек и вот группа, в которой был и я, проходя мимо английской кондитерской, получила приглашение зайти к ним в гости. Нас угостили мороженым и пирожными; почему то один из нас решил, что некрасиво и неприлично съедать все и что надо что-то оставлять на тарелке, чтобы хозяева не подумали, что мы голодны. В результтае, хозяин был обижен и не мог понять нашу «психологию». Меж-

ду прочим, мы везде были заметны, т. к. ходили в кадетской форме, чистенькой и выглаженной, только никто на улицах не мог понять, к какой нации и к какой воинской части мы принадлежим.

«Во время путешествия произошел несчастный случай с кадетом Мирецким: когда он стоял близко около лебедки, поднимавшей груз, то раскчаиваясь она задела его и сломала ему руку. Администрация парохода отнеслась к пострадавшему исключительно внимательно; его сейчас же положили в судовой госпиталь, вылечили, а пароходная компнаия добровольно выплатила родителям Мирецкого 10 тысяч долларов компенсации. Были также и веселые случаи, когда кадеты выходили победителями в разных состязаниях. Так напр., проиграв в шашки, побежденный матрос американец сломал шашечную доску и выбросил ее в море, настолько он тяжело переживал поражение, нанесенное ему маленьким кадетом.

«Следующая большая остановка была в Коломбо, на о. Цейлоне. Здесь мы стояли 2 дня и сохранили хорошие воспоминания об этой остановке. Группа в 10 кадет была приглашена в гости к богатому русскому владельцу чайных и кофейных плантаций. Хозяин был женат на японке и имел 4-х детей. И жена, и дети хорошо говорили по русски. Любезный хозяин провез нас на своей машине по всему городу и показал нам все достопримечательности, в том числе и большой буддийский храм, в котором находился большой белый священный слон. Там каждому из нас дали на память статуэтку слона, вырезанную из слоновой кости. Перед отходом нашего парохода, слуги этого русского плантатора принесли нам на головах, в больших корзинах, много разных фруктов, произроставших на о. Цейлоне и такое внимание нас очень тронуло.

«После целой недели плавания наш пароход вошел в Красное море. После остановки в Адене, мы прошли мимо берегов Аравии и, пройдя Суэцкий канал, остановились перед одним из главных городов Египта, Александрии. Мы стояли там один день, после чего поплыли дальше, прошли мимо Сицилии и, наконец, вошли в Неаполитанскую гавань. Здесь мы провели 1 $^1/_2$ дня, в течение которых участвовали в экскурсии на вулкан Везувий. Последним этапом нашего путешествия была Генуя, куда прибыли утром. Там мы сошли с парохода и вечером, в тот же день, поехали поездом в Королевство С.Х.С. На границу прибыли ночью и там, в пограничном

гор. Пакек, была проверка наших документов. На следующий день приехали в Белград, где нас встретили чиновники Державной Комиссии, которые провели нас в большой сербский ресторан, находившийся около вокзала. Там нас накормили сербским обедом, который я долго не мог забыть, т. к. на второе дали фаршированный перец до того жгучий, что у меня весь день был обожжен рот. Нельзя не упомянуть о том, что эти чиновники, узнав что мы обладаем слонами из слоновой кости, купили их у нас по 20 дин. за каждого; после мы узнали, что цена им была по 300 дин. за штуку.

«Вечером в тот же день мы уже ехали поездом в г. Билече, где находился Донской кад. корпус. Наш путь продолжался, кажется, два дня; мы высадились в городке Требинье, откуда на грузовиках нас доставили в Билече, прямо к казармам, которые занимали корпус, где нас встретил его директор, ген. Перрет. В Донском корпусе я попал в 3-ю сотню, к полк. Суровецкому, где и началась моя новая жизнь».

К воспоминаниям В. Андреева следует прибавить несколько слов о том, что в Донской корпус была отправлена лишь часть прибывших кадет, другие же были помещены в Русский кад. корпус в Сараево. Все хлопоты ген. Руссет о самостоятельном существовании Сибирского корпуса не увенчались успехом. Ему самому и прибывшим с ним служащим было оказано содействие в приискании службы и устройстве своей судьбы.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД В ШАНХАЕ И ОТЪЕЗД В ЮГОСЛАВИЮ 2-й ГРУППЫ.

После отъезда в Югославию ген. Руссет, врем. исполняющим должность директора корпуса стал преемственно полк. В. И. Попов-Азотов. Оставшиеся кадеты снова переехали в новое помещение на Бабблинг Уэлл Род, которое было тесным и не отвечало нуждам учебного заведения. Здесь был произведен 2-й выпуск в Шанхае (97-ой) и последний из корпуса вообще, как это вскоре выяснилось. Почти все окончившие остались жить в корпусе, что еще больше усложняло и без того трудную обстановку, в которой персоналу приходилось справляться с трудным делом воспитания кадет в таких сложных условиях. Кадеты сами поддерживали дисциплину и помогали проводить в жизнь обычный уклад и распорядок, сдерживающий их от соблазнов Шанхая.

Пребывание корпуса в этом последнем месте напоминало сидение на чемоданах. Все ждали близкого отъезда в Югославию; Международный комитет всеми силами старался ускорить этот отъезд, но трудно преодолимым препятствием была необходимость израсходовать сразу крупную сумму на отправку всех желающих вместе. Лотерея давала недостаточно средств, но они в значительном размере уходили на текущие расходы. Наконец, после долгих переговоров, китаец-предприниматель лотереи согласился авансировать необходимую сумму для отправки корпуса, при условии погашения долга дальнейшими выпусками лотереи. Уехать из Шанхая было предложено всем — и кадетам, и окончившим корпус, и чинам персонала. Кадеты не кончившие корпус, решили переехать почти все, но среди окончивших было много таких, которые уже нашли службу или работу, поэтому большая часть их осталась в Шанхае.

Отъезд был назначен на 6 ноября 1924 г. Сборы были очень несложными, имущества было очень мало и погрузка на пароход «Партос» произошла без задержек. Священник о. Е. Яхонтов, остававшийся в Шанхае, отслужил напутственный молебен; остающиеся в Шанхае пришли проводить уезжавших в Югославию воспитателей и однокашников, с которыми было пережито столько тяжелых и полных лишений дней. С тяжелыми чувствами и думами простились они с родным корпусом, который отправился в Югославию, чтобы передать в другие кадетские корпуса своих последних немногочисленных питомцев.

Кадетам на «Партосе» был предоставлен носовой трюм, заполненный нарами в два этажа с перегородками поперек, около каждого места, чтобы предохранить от падения во время качки. Педагогический персонал разместился в 4-м классе, а высшие чины обоих корпусов в 3-м классе. Путешествие длилось немного больше месяца и закончилось 9 декабря; шли, конечно, тем же путем, что и при плавании 1-й группы, и заходили в те же порты. Кормили сносно, но вначале порции были малы, а главное все подавалось на стол не соленым. Администрация парохода обещала улучшить пищу по приходе в Сайгон и даже перевести кадет на более лучшее питание 3-го клсаса.

Погода стояла прекрасная, качки не было совершенно, но сильно чувствовалась жара и те, у кого было летнее обмунди-

рование, оделись в него. Оркестр начал свои сыгровки; несмотря на то, что лучшие музыканты остались в Шанхае, пассажирам это нравилось. Также нравились им русские песни, которые кадеты пели по вечерам, устроившись на баке, причем многие пассажиры подходили и даже подпевали. В Гонгконге пустили на берег по 4 человека от каждого класса, в две смены. Появилось много торговцев китайцев со всякими ненужными вещами, но почти никто из кадет не соблазнился, тем более что еще не выдали обещанных карманных денег. Во время этой стоянки произошло несчсатье с кадетом-хабаровцем Моллером 2-м, который упал в трюм и сломал себе руки и ногу. Его пришлось поместить в госпиталь, где он и остался. Гонгконг покинули 10 ноября и пошли в Сайгон. Вскоре после выхода в открытое море пошел дождь и разыгрался шторм; началась качка, иллюминаторы пришлось закрыть, в трюме стало душно и многие почувствовали себя неважно. К счастью, на следующий день «Партос» приблизился к берегу и качка улеглась; пароход шел так близко от берега, что можно было свободно наблюдать пышную растительность побережья. В 8 часов утра, 12-го ноября, на борт был принят лоцман и пароход вошел в устье реки Меконг, направляясь в Сайгон, находившийся в 40 мил. выше.

В Сайгоне стояли с 12 по 15 ноября и все были отпущены на берег, где осматривали город и побывали в казармах французского гарнизона, где смогли принять душ. На пароходе кадет навестил начальник Штаба Гарнизона, который дал описание своих воинских частей, состоявших гл. обр. из туземцев. Но пребывание в Сайгоне омрачилось новым несчастным случаем: кадета Шестакова поразил солнечный удар и его пришлось поместить в госпиталь и оставить там.

17-го ноября днем прибыли в Сингапур, но пробыли в этом порту недолго. Были на берегу, в городе, который всем понравился, но видели в нем вобщем мало, тем более, что стояла удручающая жара, несмотря на ноябрь. Утром, на следующий день, пароход снова вышел в море и направился к о. Цейлону. Переход длился семь суток, в течение которых вокруг было лишь одно безбрежное море, летучие рыбы с крыльями как у стрекоз, да гоняющиеся наперегонки вокруг парохода дельфины. Встреченный французский пароход кадеты приветствовали так, как если бы на нем плыли соотечественники и друзья, и публика с того парохода с таким же жаром отвечала на эти приветствия.

19-го ноября кадетский оркестр был приглашен в 1 класс, играть вечером в салоне. За эту игру музыканты получили небольшое вознаграждение, 50 франков на 10 человек, что было, конечно, очень немного. По мере удаления от Шанхая, стали появляться новые заботы. Стали составлять списки окончивших корпус и желающих поступить в 8-й класс в Югославии, что было необходимо для получения аттестата зрелости и стипендии при поступлении в университет. Говорили, что аттестаты за 7 классов выдадут в Коломбо и оттуда пошлют телеграмму в Югославию, со списком едущих кадет. Одновременно, начали заниматься сербским языком. Среди пассажиров оказался серб, который выразил желание заняться преподаванием, но начало было неудачным — его укачало и уроки были отложены на неопределенное время.

Около полуночи 22 ноября показались огни Коломбо. Кадеты высыпали на палубу и жадно следили за приближающейся землей, но пароход подходил чуть ли не целый день, огибая остров с юга. Но вот, наконец, и бухта, и берег сказочного острова Цейлона. Бирюзовое небо и море сливаются на горизонте и между ними пышный тропический сад, с яркой зеленью пальм и каких-то невиданных растений. В таких выражениях описывал свои впечатления один из кадет 96 вып., в будущем архимандрит о. Василий Кондратович. После некоторого ожидания, кадеты получили разрешение сойти на берег и веселой гурьбой расселись по лодкам и отправились в город. Он произвел на всех очень хорошее впечатление своей величиной и богатством, особенно же великолепный, как дворец отель, расположенный на самом берегу океана. Кадеты ходили по городу, раставляя по морскому ноги и им все казалось, что земля покачивалась под их ногами. По возвращении на пароход увидели, что его облепили со всех сторон, как назойливые мухи, десятки лодок с почти обнаженными продавцами всякой всячины, начиная от фруктов и сластей, кончая шкатулками и другими изделиями Индии. Профессиональные пловцы с лодок предлагали бросить в море монету и с высокой палубы было отчетливо видно, как они извивались в глубине и, поймав монету, выплывали на поверхность. Другие ныряли под пароход, проплывали под ним и появлялись с другой стороны, а кадеты с тревогой следили, не появится ли белый плавник акулы, которых так много в этих водха. С удивлением заметили, что многие туземцы умеют объясняться по русски, но было непонятно, как они могли научиться нашему языку.

24 ноября «Партос» покинул Коломбо; предстоял самый длинный переход в 9 суток, со следующей остановкой в Джибути. В своих воспоминаниях В. Кондратович так описывает этот переход: «Беспредельная водная ширь окружает нас со всех сторон. Все что мы видим с утра до вечера, это сверху ясное синее небо, по которому медленно движется раскаленный шар тропического солнца, а под ним прозрачная синяя глубина. По вечерам перед заходом солнца, на горизонте появляются причудливые облака, окрашенные во всевозможные цвета, представляющие феерическую картину. Мы часами созерцаем дивные краски сказочного юга...»

Чтобы скрасить монотонность плавания, для кадет организовали лекции при содействии нескольких офицеров ген. штаба, бывших среди пассажиров, а также и занятия сербским языком. Оркестр устраивал на палубе сыгровки, которые привлекали много слушателей из среды пассжапров. В салоне 1-го класса был организован большой концерт, на котором оркестр исполнил «Семирамиду» и отрывки из «Евгения Онегина», заслужив шумное одобрение слушателей. Затем организовался хор, к которому примкнули и некоторые пассажиры. Все это помогало переносить однообрзапе путешествия и убийственную жару, которая в Красном море давала себя чувствовать и ночью. В Джибути стояли лишь несколько часов и утром 4 декабря пришли в Суэц, где было прохладнее и можно было снова одеть обычную кадетскую форму. В Суэце стояли почти целый день, дожидаясь очереди для прохода через канал. Чтобы не загромождать его, там был установлен такой порядок, что суда идущие из Средиземного моря пропускаются через канал днем, а суда из Красного моря — ночью. Поэтому «Партос» простоял в проту до вечера и двинулся вперед уже с наступлением темноты. Она не позволила разглядеть как следует окрестности, но было все же видно, что берега канала местами обсажены пальмами, которые образуют как бы аллею, по которой движутся пароходы. Рано утром 5 декабря «Партос», пройдя канал, пришел в Суэц, где сразу почувствовался декабрь: холодный ветер гнал навстречу волны Средиземного моря, а низкие облака несли дождь и туман. Среди бурных волн возвышалась бронзовая статуя Лесепса, строителя канала, выдвинутая далеко в море на длинном молу. Кончился знойный, красочный Восток, впереди была холодная Европа, где должна была окончательно решиться судьба корпуса.

Через 4 дня плавания по Средиземному морю «Партос» подошел к берегам Югославии. Перед кадетами открылся Сплит, расположенный на склоне Далматинских гор. В 9 ч. утра, 9 декабря, кадет высадили на мол, туда же навалили корпусные вещи и пароход, дав прощальный гудок, ушел дальше, продолжать свой путь. Кадеты оставались на молу почти целый день, т. к. помещение для них еще не было приготовлено. Наконец, к 4 ч. дня было приказано построиться и корпус, под звуки мраша, отправился к отведенным для него казармам 11-го пех. полка. Они были укреплены и походили на небольшой форт.

Сибиряки-Александровцы в Сплите

В этих казармах кадетам предоставили несколько больших комнат, выдали железные кровати и соломенные тюфяки, а вечером накормили горячей пищей. Несмотря на полное отсутствие комфорта, кадеты все же почувствовали себя наконец в спокойной обстановке; как никак, но это была твердая земля, а не бурные морские волны. Через несколько дней в казарму прибыл сербский православный священник, который ослужил молебен, на котором пел кадетский хор. По окончании молебна выступил с приветственной речью к кадетам прибывший в корпус представитель Державной Комиссии.

В один из последующих дней корпусной оркестр выступал на Народном Тргу, собрав огромную толпу слушателей, которые бурно приветствовали каждый исполненный номер. По вечерам, некоторые кадеты ходили на эту городскую площадь, где в эти часы обычно устраивались гулянья. Местные жители, среди которых многие ходили в национальных костюмах, с большой симпатией относились к кадетам, в которых справедливо видели настоящих, достойных представителей Великой России.

Как только корпус более или менее устроился на новом месте, была отправлена Великому Князю Николаю Николаевичу телеграмма о благополучном прибытии в Югославию. На эту телеграмму был вскоре получен ответ от Великого Князя; была также получена приветственная почтограмма от Главнокомандующего ген. Врангеля. Вскоре после этого и. д. директора, полковник В. И. Попов-Азотов, уехал в Белград, чтобы выяснить дальнейшую судьбу корпуса. Его отсутствие продолжалось около двух недель и это время было наполнено тревожным ожиданием. Всех волновала мысль — удастся ли остаться всем вместе или корпусу суждено будет прекратить свое существование на далекой чужбине. Эти тревожные опасения скоро подтвердились: полковник Попов-Азотов вернулся из Белграда с печальной вестью: правительство Югославии не могло сохранить корпус, т. к. в стране уже находилось три русских кадетских корпуса, поэтому вновь прибывших было решено распределить по этим корпусам.

Ввиду такого решения и. д. Директора, полковник Попов-Азотов, 1 февраля 1925 г. издал в Сплите (Далмация) следующий приказ № 32 по корпусу:

> «Дорогие кадеты Александровцы! Сегодня, 1-го февраля 1925 года, воспитывавший вас 1-й Сибирский Императора Александра 1-го кадетский корпус прекращает свое существование.
>
> Как спаянная любовью семья стремится продлить дни находящегося на смертном одре любимого прадеда, так и мы, да будет это нам в утешение, сделали все от нас зависящее, чтобы отдалить на несколько лет оказавшуюся, увы, неизбежной кончину дорогого нам корпуса.
>
> Сохраните же навсегда незапятнанной светлую память об орлином гнезде — питомнике героев, 112 лет дарив-

Полковник В. И. Попов-Азотов

шем Родине самоотверженно-стойких и безупречно верных работников на всех поприщах Государственного служения.

Запечатлейте, как святыню, в своих юных сердцах вензель А-1, который вы с гордостью носили на погонах, и да останется он для вас навеки эмблемой чести и благородства, которыми, как драгоценный бриллиант, блистал Венценосный Рыцарь, Основатель корпуса. Да будет этот вензель выкованный в жгучем пламени любви к нашей страдалице-родине, которым, знаю, горят детски

чистые сердца ваши, той ладонкой, которой прадед — Корпус благословляет вас на жизненный подвиг. В этой ладонке кристаллизировались священные заветы старины русской и традиции, которыми корректировали свою жизнь деды и отцы ваши.

Спасибо вам, дорогие сотрудники, г.г. офицеры, до конца исполнившие свой долг. Когда наступит радостный день возвращения на родину, а он верю, близок, убежден в неминуемости возрождения в ряду других и нашего славного кропуса. Будущий историк страдного периода его существования не забудет увековечить ваши имена.

Пока же не наступил этот вожделенный день, работайте, кадеты, не покладая рук спешите обогатить ваш ум знаниями, закаляйте вашу волю, преумножайте ваши физические и духовные силы. Помните, что Родина-мать ждет вас, нуждается в вашей помощи. Но нужны ей не слабосильные робкие полузнайки, а могучие душой и вооруженные знаниями богатыри.

Только таким по плечу поднять с одра тяжкой затянувшейся болезни нашу страдалицу мать. Прочь пошлые, своекорыстные, себялюбивые рассчеты, не место им в этом святом деле и не к лицу они Александровцам. Итак, с Богом родные Александровцы, вперед за работу и да благословит вас Господь.

И. д. директора 1-го Сибирского
Александра 1-го кадетского корпуса
Полковник Попов-Азотов.»

В один ненастный февральский день кадет погрузили в последний раз на маленький пароход, вернее катер, и отправили в большой порт на юге Далмации — Груж, откуда железная дорога расходилась в разные концы страны. Отсюда кадеты были разосланы в разные стороны: младшие классы в Донской корпус в Черногории, седьмой класс в Сараево, в Русский кад. корпус, а окончивших кадет разбили на две группы: одну послали на технические курсы при артиллерийском заводе в Крагуевце, а другую на железнодорожные в Белграде. Отправка производилась двумя эшелонами: с 1-м уехали кадеты от 6-го класса и младше в Донской корпус, а со 2-м эшелоном 7-й класс с оркестром в Сараево и окончившие корпус на курсы в Белград и Крагуевац. Последние часы перед разъ-

ездом из Сплита были описаны кадетом 96 вып. Н. Морозовичем в журнале «Кадет Сибиряк-Александровец», № 1, июль 1925 г.

«Кажется навсегда врежутся в память дни вынужденной кончины родного Корпуса. Поздний вечер... За окном надрывно плачет ветер. В неприветливой казарме Сплитского гарнизона кучками собираются кадеты. Грустно мигает керосиновая лампа, сыро, полутемно... Лица унылые, не слышно обычных шуток-острот, молодого заразительного смеха... Доживаем последние дни вместе. Завтра уезжают 6-й и 5-й классы и большинство малышей в Донской корпус, а дня через два разбивается и остальная дружная кадетская семья: кто в Сараево, кто в Белград, Крагуевац. Настроение похоронное... Хочется побыть последние минуты вместе, почувствовать, что связь еще не оборвалась, что час еще не настал.

«Несмотря на то, что укладка уже была, дежурный офицер, понимая нас, не гонит спать. Больно щемит в груди и невольно поднимается злоба на свое бессилие побороть, разбить роковую обстановку, приведшую к концу... В чем, где смысл нашей борьбы за сохранение корпуса, где смысл наших мытарств, полуголодных последних дней в Шанхае? За этим ли мы сюда ехали?

«Так хотелось верить, верилось что корпус, пройдя великий путь Омск-Сербия, огрызаясь от наседающего врага, оставляя десятки лучших кадет в степях Семиречья, на сопках Забайкалья и Приморья, найдет наконец тихую пристань и, отдохнув, перейдет к мирной творческой работе.

«Скверно на душе... Кое-где вспыхивает песня, грустная повесть о гибели Ермака — покорителя Сибири, любимая песня кадет. Вспыхнет и стихает. Не поется... Скорбными, понимающими очами смотрит со стены Спаситель. «За что, Господи?»

«Дождливое темное утро. Подводы с вещами уезжающих и сами они ушли. Дежурный офицер-воспитатель строит всех остающихся идти провожать. «Равняйсь! Смирно!» — и рота, имея в голове оркестр, черной узкой лентой потянулась из казармы.

«Лица после бессонной ночи хмурые, усталые, шаг вялый. Но вот грянул бодрый марш, привычно четко начала «печатать» рота, все мигом подтянулись. Свежий ветер гнал последние следы усталости с лиц. Высунулись из окон несколько растрепанных голов хорватов, разбуженных столь несвоевре-

менной прогулкой «русов», мелькнули Диоклитиановские ворота и мы на пристани.

«Катер. Мелькают суетливые фигуры кадет, лица местной русской колонии, так тепло нас встретившей. Последние слова прощания, крепкие пожатия рук, обещания писать, держать связь — и катер чуть заметно стал отделяться от мола. «Провожающие строиться!» Длинной ровной линейкой вытянулась рота. Грянул марш «Звериады», загремело в утреннем тумане наше прощальное «ура». С катера ответили. Долго еще стояли мы, катер был едва виден, а оркестр все играл, знакомый дорогой кадетам мотив все звенел и невольно проплывало перед глазами прошлое горькое, тяжелое, но так спаявшее нас в минуты стихийных крушений, так сроднившее нас. Пусто на душе. В который раз смыкаем мы ряды? Встретимся ли?..»

По воспоминаниям и материалам, собранным и присланным С. Марковым з 1971 г., в обработке и под редакцией

А. Росселевича.

СИБИРЯКИ-АЛЕКСАНДРОВЦЫ В РУССКОМ КАД. КОРПУСЕ В САРАЕВО.

Через два дня после отъезда из Сплита первого эшелона, настала и наша очередь. Был пасмурный день, который, как нельзя больше, соответствовал нашему настроению. На небольшом пароходе нас перевезли в г. Груж, откуда все разъехались по своим местам назначения. Наш 98-й выпуск, в составе 33 кадет выехал в г. Сараево, куда прибыл 7 февраля 1925 года, после двухдневного пути. С нами были также 96-го выпуска И. Петунин и В. Кондратович, и 97-го вып. П. Топорков и В. Утков, пожелавшие подготовиться к поступлению в университет.

Город Сараево расположен в горной долине, по которой бежит речка Милячка. В Звериаде Русского кад. корпуса так определялось его местонахождение: «Стоит Сараево глубоко над быстрой горною рекой...» Нам было известно, что в корпусе нет оркестра и мы еще в дороге мечтали, как мы строем пройдем по городу, под звуки оркестра, и торжественно прибудем в корпус. Ведь нас 37 кадет и наш оркестр состоял из

14-ти музыкантов, да еще каких! Но увы, сразу же как только мы выгрузились из поезда, наши мечты о прохождении через город с оркестром были разбиты. Встретивший нас на вокзале офицер-воспитатель Русского корпуса передал нам приказ директора ген. Адамовича — «Идти в корпус без музыки». Сразу повеяло холодком. Погрузив вещи на подводы, пошли в корпус.

Прошли набережной Милячки, разделявшей город на две части, до моста через нее, носившего имя Гавро Принципа. За мостом, у подножия горы Требевич, стояло здание корпуса — Казарма Краля Петра 1-го. На этом мосту, в 1914 году серб Гав. Принцип убил Эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу. Это убийство дало повод начать 1-ую Мировую войну Австрии и Германии, а за ней последовали у нас революция, гражданская война, а для нас это привело к отъезду нашего корпуса сперва из родного гнезда, затем оставление Родины, пребывание в Шанхае, переезд в Югославию и конец нашего корпуса; а около этого моста, в здании Русского корпуса, нашему 98-му выпуску суждено было кончить курс обучения и сдать экзамены на аттестат зрелости.

Перейдя мост, через большую площадь направились к казарме, о которой в Звериаде Сараевцев (как в то время называли кадет Русского к. к.) пелось: ...«там на площади угрюмой казарма старая стоит, она уныла как могила, над ней всегда висит туман...» На месте этой каазрмы последовательно размещались и римские легионеры, и турецкие аскеры, и австрийские солдаты, теперь каазрма приютила и одесситов, и киевлян, и остатки полочан, а теперь принимала и нас — кадет Сибиряков. Пройдя в ворота под трехэтажным зданием корпуса, мы вышли на большой плац, с трех сторон окруженный зданием казармы в форме буквы «П», а четвертая сторона замыкалась конюшнями. Пусто, никого нет. Лишь за закрытыми окнами верхнего этажа видна масса кадетских голов и приветливо машущие руки. Остановились и подравнялись. Офицер, встретивший нас на вокзале и сопровождавший сюда, пошел с докладом к директору корпуса. Ждем.

Наконец появился худой, моложавый, с прекрасной выправкой генерал: — «Смирно! Равнение направо!» — «Здравствуйте, кадеты!» Наш ответ и затем резкий, решительный голос директора: «Вы приехали сюда для того, чтобы подготовиться к экзамену на аттестат зрелости по программе ва-

шего корпуса. Для вас отведено отдельное помещение — спальная, а над нею класс для занятий. Вы здесь гости. Общение с другими кадетами запрещено. Ваши «бирюльки» (музыкальные инструменты) сдать в цейхгаус. Они вам не нужны. Надеюсь, что у меня с вами не будет никаких недоразумений и вы подчинитесь всем моим требованиям». Сказал и ушел. Мы стояли ошарашенные и убитые, только приветливо махавшие нам за окнами кадеты-сараевцы ободряли нас. Ну вот, и попались! — думали мы.

Подавленные оказанным приемом, мы молча сдали в цейхгаус, находившийся рядом с нашей спальной, музыкальные инструменты и мрачно уселись на кроватях. Вдруг, стук в окно; как будто кто-то бросает в него камешком. Смотрим, а за окном веревочка с запиской, спущенная с верхнего этажа. Берем послание и читаем: «Не унывай, ребята!..», а дальше ряд теплых ободряющих слов и приветствий. Спасибо, сараевцы, вы нас поддержали как раз в нужный момент. Мы ожили — мы не одни! Обсудив положение, решили не посрамить имени Сибиряка-Александровца и нашего корпуса.

Вскоре к нам пришел командир 1-й роты Русского корпуса, полковник Орлицкий, который подтвердил нам, что в корпусе мы пробудем лишь минимальное время, необходимое для подготовки к экзамену по програме старых кадетских корпусов за 7 классов и после сдачи экзаменов должны будем уехать из корпуса на слесарно-монтажные курсы. Все наше время распределено так, что мы нигде не сможем встретить кадет Русского корпуса. Когда у них урок — у нас перемена, когда у них свободное время — у нас занятия и т. д. Говоря иными словами, мы оказались в карантине. Внизу наша спальня с окнами на площадь; между площадью и нашим зданием маленький палисадник с рядом деревьев в нем. Над спальней наш класс для занятий. В том этаже, где спальня, лишь цейхгаузы, кухня и столовые. От нашей спальни из коридора, сразу же у двери на плац, идет лестница в наш класс и далее, на 3-й этаж в библиотеку, которой мы можем пользоваться во время вечерних занятий сараевцев. Из библиотеки дверь в корпусной зал, где по субботам ставился иконостас и шло богослужение, всенощная, а по воскресеньям литургия. Воспитателем у нас будет наш полк. Попов-Азотов, а поэтому мы должны его всецело поддержать.

Мы привели в порядок спальню, покрасили стены класса. Выскоблили стеклом давно не чищенный паркет и натерли его воском. Украсили стены класса выпускными группами 96 и 97 выпусков и портретами Государя и наших Вождей. В углу поставили складень с иконой св. Николая Чудотворца, благословение корпусу Сибирского казачьего войска, и засели зубрить. Держали мы себя на высоте и, за все время нашего пребывания в корпусе, у нас не было ни одного проступка. Преподаватели и воспитатели на перебой, хвалили нас. Но я зашел слишком вперед, поэтому вернусь немного назад.

Недели через две после нашего прибытия в корпус, ген. Адамович (или, попросту, Адам, как его звали кадеты) отправился на вокзал, с намерением уехать куда-то на целый день. У наших музыкантов «зазудились легкие» — захотелось поиграть. Но как достать инструменты из цейхгауза? Придумали следующее: старший музыкант Рыбин отправился к полк. Орлицкому и доложил ему, что инструменты НАВЕРНЯКА испортятся, если их не продуть и не прочистить. Поверил ли этому Орлицкий, или нет — не знаю, но только он разрешил взять их из цейхгауза, но не больше, как на один час. В один момент музыканты расселись на кроватях и с упоением заиграли музыкальные произведения, разученные в Шанхае. Сараевцы, гулявшие в это время в корпусном саду, находившемся перед главным фасадом корпусного здания, перелезли через забор сада и залезли в запретный палисадник около нашей спальни, заполнив все наши окна. Я стоял прислонившись к закрытой двери в коридор. В середине попури из оперы Чайковского «Евгений Онегин», кто-то из коридора начал открывать эту дверь. Я приоткрыл ее и посмотрел кто там... и, о ужас! сам Адам стоял за дверью!

Он приложил палец к губам и, входя, сделал знак не вставать. Под звуки арии Ленского «Куда, куда вы удалились...» он прошел и сел на кровать, опустив голову на руки и закрыв руками глаза. Сараевцы, при виде Адама, исчезли из окна, но не слыша разноса, снова заполнили их. Что переживал в этот момент этот строгий и требовательный генерал — не знаю, но мне казалось, что он плакал. Закончив попури, Рыбин скомандовал: «Встать, смирно!» Все встали и замерли и я думаю, что в этот момент у всех в голове была одна и та же мысль — что же теперь будет? Посидев еще несколько мгновений в той же позе, Адам встал и тихо сказал: «Спасибо, Си-

биряки! Инструменты оставьте себе, а ты, Рыбин, пойдем со мной». И это все. Ни разноса, ни наказания, ни нам, ни торчавшим в окнах Сараевцам.

Адам с Рыбиным ушли, а мы еще несколько мгновений стояли, озадаченные такой развязкой. Затем, бурная радость обуяла нас. К нам в спальню, через окна, влезли Сараевцы и мы вместе живо обсуждали происшедшее, с нетерпением ожидая возвращения Рыбина. Он вернулся, приблизительно, через час и сообщил, что «карантин» снят и мы теперь можем общаться с другими кадетами и ходить по зданиям корпуса. Громкое «ура» покрыло это радостное для нас сообщение. Далее Рыбин рассказал, что Адам расспросил его о репертуаре оркестра и о всех нас, и что на следующее же воскресенье он назначил первое выступление нашего оркестра, первый концерт для персонала корпуса и кадет. Концерт будет в зале корпуса и для него Адам выбрал попурри из «Евгения Онегина» и из оперы «Вильгельм Телл», увертюру из оперы «Семирамида» и некоторые места из «Пиковой Дамы». Итак, мы победили, вернее наш оркестр, завоевавший своей игрой нашу свободу и признание нас директором быть достойными гостями корпуса. Быстро расхватали нас Сараевцы и повели знакомить с корпусом. Стена, воздвигнутая вокруг нас Адамом, была сломана и мы вошли в жизнь корпуса.

Первый концерт нашего оркестра прошел блестяще, за ним последовал целый ряд других, и в корпусе, и в городе, и все они прошли с большим успехом. Наши певчие вошли в корпусной хор. В ответ на признание нас и включение в жизнь корпуса, мы решили еще больше подтянуться и не дать никому повода упрекнуть нас в чем-либо. Ведь мы были «последние могикане» нашего корпуса.

В середине мая корпус посетил Главнокомандующий Русской Армии ген. П. Н. Врангель. На параде участвовал наш оркестр и мы, сибиряки, были ему представлены Первое время мы ходили в форме нашего Сибирского корпуса, но наше обмундирование износилось и мы переоделись в форму Русского кад. корпуса. Занятия шли своим чередом и мы во всю готовились к экзаменам, которые блестяще выдержали в середине октября 1925 года. Никто из нас не провалился, никто не получил ни одной переэкзаменовки.

После экзаменов, по установившемуся в корпусе обычаю, ездили с ген. Адамовичем на прогулку в горы, на ст. Стамбульчич, где по тому же обычаю снялись на каменной стенке крыла моста, там где снимались все выпуски Русского корпуса. По желанию Адама, кадеты Сибиряки расположились в виде вензеля шефа корпуса — А-1, как он изображен на погонах, причем точкой был самый младший Сибиряк в корпусе, сын полк. Попова-Азотова, Вова.

Итак, 98-й выпуск пережил свой корпус на семь месяцев и окончил его в составе другого корпуса. После окончания курса наук, большинство кадет этого 98-го выпуска были отправлены в г. Крагуевац, на слесарно-монтажные курсы, а десять лучших по учению были оставлены при корпусе для прохождения курса 8-го класса, необходимого, как говорили,

Отъезд Сибирякюв в Крагуевац в конце сентября 1925 г.
на слесарно-монтажные курсы.

для получения высшего образования. Эти десять Сибиряков были включены в 7-й класс, а всего в корпусе было 8 классов. В числе оставляемых был и В. Кондратович, но он не захотел остаться и уехал в Белград, где поступил на технический факультет университета. О нем следует сказать несколько слов, т. к. он получил большую известность также и здесь, в Соединенных Штатах.

Через год он перешел на Богословский факультет и принял монашество. Закончил факультет в сане иеромонаха и был отправлен в Российскую Православную Миссию в Иерусалим на должность секретаря. Там он получил сан архимандрита, изучил арабский язык, но заболел сахарной болезнью и был вынужден переехать в США, в г. Сан Франциско. Оттуда он был вызван в Нью Иорк для принятия должности секретаря Синода. В Нью Иорке его болезнь резко ухудшилась и доктора потребовали его отъезд из этого города. Отец Василий вернулся в С. Франциско, где и скончался в 1958 году.

С. Марков.

СПИСОК

штатных служащих I Сибирского Имп. Александра I кад. корпуса за время его пребывания в Шанхае (1922-1925 годы).

Руссет Евгений Васильевич, ген. майор. уехал в Югославию с 1-й группой кадет.

Попов-Азотов Василий Иванович. полковник. командир 1-й роты; после отъезда ген. Руссет был назначен врем. и. д. директора.

Никифоров Борис Васильевич. полковник. и. д. инспектора классов. препод. математики в 5 классе, и. д. офицера воспитателя 96 выпуска.

Ушаков Иван Павлович, полковник, командир 2-й роты. а с 1924 г. командир 1й роты.

Баженов Л. П.. полковник, командир 2-й роты, уехал в Югославию с 1-й группой.

Беттихер Георгий Иосифович, полковник, и. д. Заведующего хозяйством.

Попов-Азотов Георгий Васильевич, поручик, Казначей.

Зубов Василий Михайлович, коллеж. ассесор, Секретарь корпуса.

Дубянский Василий Федорович. хорунжий. и. д. Эконома.

Вербицкий Павел Алексеевич. прапорщик, Завед. обмундированием и смотритель зданий.

Козлов Семен Радионович, врач.

Михеева Клавдия Федоровна. сестра милосердия.

Зайцева Ксения Евгениевна, машинистка.

Ефимова Евгения Алексеевна, починка белья и одежды.

Гусева Зинаида Алексеевна, починка белья и одежды.

Офицеры-воспитатели:

Яременко Глеб Николаевич, полковник. отделенный воспитатель 7 класса.

Петров Иннокентий Михайлович, поручик. отделенный воспитатель 6 класса.

Соколовский Николай Романович, полковник отделенный воспитатель 5 класса.

Прокофьев Павел Иванович, поручик отделенный воспитатель 4 и 3 классов.

Стоцкий, подполковник, отдел. воспитатель 2. 1 и приготов. классов

Бабиков, полковник, заведующий командой юнкеров.

Преподаватели:

Священник о. Евгений Леонтов. Закон Божий во всех классах.

Хлебников Лаврентий. хорунжий, русский язык в 4 и 3 классах.

Павловский Николай Клементьевич. ген. майор, русский язык в 6 и 7 классах.

Исаков Андрей Иванович. ген. майор. математика в 7. 6. 5 и 4 классах.

Мелик Нубаров Михаил Герасимович. математика в 6 и 4 классах.

Беркутов Лев Африканович. космография. география и химия в 7, 6. 2 и 1 классах.

Зарцалов Леонид Алексеевич, Естественная История 6, 5. 4 и 3 классы.

Русский Борис Николаевич. майор, история в 7. 6, 5. 4 и 3 классах.

Домрачеев Михаил Яковлевич. действ. стат. совет., законоведение в 7 классе.

Тяжелов Леонид Димитриевич, колл. совет., английский язык в 7 классе.
Фадеев Николай Николаевич, поручик, русский язык, в 2, 1 и приг. классах.
Шитт. подпоручик, английский язык в 4 и 3 классах.
Степанов Андрей Григорьевич, мичман, английский язык в 7, 6, 5 классах.

Прикомандированные:

Нейзель Владимир Константинович, ген. майор.
Неропес Владимир Константинович, подполковник.
Некрасов Дмитрий Иванович, поручик, заведующий столярной мастерской.
Акимов Георгий Антонович, колл. ассесор.

Список кадет 3-й роты, спасшихся на плоту с Русского Острова.

1. Андреев Валентин
2. Красносельский Б.
3. Лукашевич Николай
4. Луполов 1-й Анатолий
5. Луполов 2-й
6. Мархинин Георгий
7. Мащевский А.
8. Фатеев А.
9. Фатеев С.
10. Шулепов Владимир
11. Шулепов Николай
12. Шулепов Илья.
13. Фамилия не сохранилась.

96 ВЫПУСК В ШАНХАЕ, В 1923 ГОДУ.

*** отмечены приехавшие вместе с корпусом из Шанхая в Югославию и отправленные на слесарно-монтажные курсы в Крагуевац, или на железнодорожные и геодезические в Белград. Остальные остались в Китае.**

* Офицер-воспитатель:
полк. Б. В. Никифоров
* Вице-фельд. Анисимов Иван
В. ун. оф. Бедарев Валентин
" Богословский Николай
" Дмитриев Владимир
" Дьяков Николай
" Курманаев Асиз
" Мещериков Леонид
" Михайлов Сергей
* " Морозович Николай
* " Наставин Александр
" Немков Юрий
* " Петерсон Василий
" Смирнов Глеб
* " Широкий-Куликов Сергей

Кадеты:

Асанов Гавриил
* Винцевский Леонид
* Герасимов Николай
Донец Владимир
Жуковский-Волынский Владимир
* Квачадзе Виктор
* Кондратович Виталий
Костырев Георгий
Курманаев Рауль
* Любецкий Владимир
* Макаров Вячеслав
Митрофанов Аркадий
Немков Владимир
* Осипов Михаил

* Осипов Аркадий
* Петерсон Николай
* Петунин Иван
Попов Всеволод
Потапов Григорий
* Путинцев Виктор
* Петухов Михаил
* Ризо Петр
Рогов Валентин
* Сичкарев Георгий
Сладков Петр
Смирнов Алексей
Соколов Валентин
* Стрелковский Георгий

Выдано свидетельство за 6 классов: Бордзиловский Викентий

97 ВЫПУСК В ШАНХАЕ, В 1924 ГОДУ.
Звездочка (*) имеет то же значение, что и для предыдущего выпуска.

Офицер-воспитатель:
полк. Г. Н. Яремченко
* Вице-фельд. Ботченко Николай
В. ун. оф. Волков Николай
" Дьяков Георгий
" Зощенко Вениамин
* " Лагода Александр
" Лукашевич Борис
" Петухов Николай
" Токмачев Орест
* " Топорков Петр
" Усачев Николай

Кадеты:

* Абакумов Николай
Батников Вениамин
Васильев Анатолий
Воскобович Николай
* Дашкевич Николай
Дубравин Михаил
* Дурново Петр
Зорянко Петр
* Ионов Константин
* Колмогоров Георгий
Коротков Константин
Лунин Лев
* Макаров Петр
Малык Николай
Мержанов Владимир
Покидов Игорь
Покровский Леонид
* Рачков Павел
Ренц 2-й Роман
* Сладков 2-й Лев
Софронов Федор
* Толубаев Михаил
* Утков Василий
Шестериков Аркадий
Шейн Борис
Яхонтов Николай

98 ВЫПУСК,
прибывший с корпусом в Югославию и отправленный в Сараево, в Русский кадетский корпус.

Буква (Р) после фамилии означает, что кадет получил в Сараево аттестат зрелости с VII вып. в 1927 г.

Офицер-воспитатель,
полк. В. И. Попов-Азотов
В. ун. оф. Фролов Константин (Р)

Кадеты:

Авенариус Константин
Белдыцкий Вадим (Р)
Беднягин Александр
Белозров Николай
Белавин Александр (Р)
Васильев Владимир
Вельцын Федор
Волков 3-й Василий (Р-1926 г.)

Волков 4-й Николай (Р-1928 г.)
Грузин Александр
Добшинский Николай
Дорофеев Евгений
Дыхов Всеволод
Загорский Борис
Колыванов Иван
Лонгинов Владимир
Любимов Владимир
Макаров Владимир (Р)
Марков Сергей (Р)
Мартынов Михаил
Парфенов Николай (Р)
Платонов Александр
Пермитин Виктор
Реммер Роман (Р)
Ризо Иван
Рыбин Валентин
Фадеев 1-й Владимир
Фадеев 2-й Константин
Шиковский Эвальд
Якимов Андрей

Кадеты, окончившие корпус в Шанхае, прибывшие в Югославию с 98 выпуском и вместе с ним снова поступившие в Русский кад. корпус в Королевстве Югославии

Кондратович Виталий, 96 вып.
Петунин Иван, 96 вып. (Р)
Топорков Петр, 97 вып.
Утков Василий, 97 вып. (Р)

СПИСОК

кадет 1-й группы, уехавших 1 февраля 1924 г. из Шанхая в Югославию на пароходе «Президент Харисон».

Буквы в скобках после фамилии — Д или Р — означают, что кадет окончил Донской или Русский корпус; цифры означают год окончания корпуса.

Ген. майор Е. В. Руссет, директор корпуса, с супругой и дочерью.
Полковник Л. П. Баженов, быв. командир 2-й роты.

Кадеты:

Алексеев Виктор (Р)
Андреев Валентин (Д)
Богунов Сергей (Р) сконч. в 1928 г.
Большаков Кирилл
Краснопольский Борис (Д-1930)
Курмыженко Петр (Д-1929)
Луполов 1-й Анатолий
Луполов 2-й
Мирецкий
Мащевский А.
Маклаков Александр
Мартынов Петр (Р-1929)
Литвинов Александр (Р-1930)
Лукашевич Николай
Новожилов Василий (Д-1930)
Перфильев Семен (Д-1928)
Перфильев Игорь (Д-1928)
Путинцев Борис (Д-1931)
Опорков Петр
Тупин Владимир
Агорский Борис
Арков Сергей
Бао Борис
Фатеев Вадим
Фатеев С.

СПИСОК

кадет с 6-го по 1-й класс, выехавших из Шанхая со 2-й группой в Югославию на пароходе «Портос» 6 ноября 1924 года.

Буквы в скобках после фамилии — Р, Д или К — означают, что кадет окончил Русский, Донской или Крымский корпуса.

Алябушев Виктор (Р)
Александров Илья (Д)
Бушуев Николай
Васильев Андрей
Вологодский Павел
Габувия Виктор (Р)
Дубровный Иван (Р)
Доброцветов Ексакустодиан (Р)
Зуев Владимир (Д)
Иванов Леонид (Д)
Иванов Сергей (Д)
Леонтьев Евгений
Казанцев Александр (Р)
Кравцов Михаил
Карин Игорь (Р)
Кимовт Виктор
Лукьянов Николай
Ларин Владимир
Лукашевич Глеб (Р)
Мартынов Георгий (Д)
Мархинин Сергей (Д)
Мархинин Георгий (Д)
Некрасов Александр (Р)
Плышевский Федор
Петров Иван
Петров Валентин
Попов-Азотов Владимир (Р)
Перфильев Евангел (Д)
Рыбаков Михаил (Д)
Рыбаков Алексей (Д)
Радышевский Лев
Разин Георгий (Р)
Реммер Константин (Р)
Семыгин Константин (К)
Сальников Михаил
Савицкий Петр
Шатров Игорь
Шулепов Николай (К)
Шулепов Владимир (Д)
Шулепов Леонид (Д)
Шестаков Илья (Р)
Шестаков Александр (вернулся из Сайгона в Шанхай)
Фроловский Михаил
Ячменев Иван (Д)

ОТДЕЛ РОЗЫСКОВ

СЕРГЕЙ КАМБИАДЖИО, кадет 1-го Кадетского выпуска 1915 года разыскивает и просит откликнуться своих товарищей по выпуску, как и бывших юнкеров Николаевского Кавалерийского Военного Училища (5-го УСКОРЕННОГО выпуска) как и своего лучшего друга Щепетева Анатолия, офицера 4-го Драгунского полка.

ВСЕ сведения просит направлять на следующий адрес:

С. Камбиаджио, Првомайска ул. брой 17/111, Сараево 71000 Югославия.

КАДЕТСКОМУ ОБЪЕДИНЕНИЮ В ВЕНЕЦУЭЛЕ

Ко дню 25-летнего юбилея.

Четверть века! Этот промежуток
Времени — достоин уваженья!
Потому от бывших институток
Вот вам, юбиляры, поздравленье.
Пусть швыряли бури нас и вьюги,
Пусть мы все разбросаны по свету,
Но Белоцерковские подруги
Не забудут вас, друзья-кадеты.
И в воспоминаниях лелея
Юности надежды и мечтанья,
Шлем вам в светлый праздник юбилея
Искренние наши пожеланья.
Пусть подольше жизнь не хмурит брови,
Пусть небес не закрывают тучи,
Всем вам и удачи и здоровья,
И во всем всегда благополучья.
Пусть в работе не слабеют руки,
Пусть в страданьях не слабеют души,
Пусть не только дети, но и внуки
Света нашей дружбы не потушат.
Дружбы, что нужна Объединенью,
Что хранится бережно и чутко!..
От души мы шлем вам поздравленье!
Бывшие Донские институтки.

Нонна Белавина

В № 8 Кадетской Переклички на стр. 51 было помещено это же стихотворение. По недосмотру был перепутан порядок строк. Повторяем стихотворение и приносим извинение Нонне Сергеевне Белавиной.

Х.К.

ХАБАРОВСКИЙ
ГРАФА МУРАВЬЕВА-АМУРСКОГО
КАДЕТСКИЙ КОРПУС

1888 1925

Шеф Кадет-Хабаровцев

Генерал Адьютант

Николай Николаевич граф Муравьев-Амурский

ПРИВЕТ

Хабаровскому Кадетскому корпусу

Полвека назад здесь, в тайге вековой,
Приютившей хунхузов свободных,
Слуга Государя стал твердой ногой
У слиянья двух рек многоводных.
И над необъятной, пустынной страной,
Где царил только мрак так недавно,
Зарделась заря, — заря жизни иной,
Под охраной Руси Православной.
И жизнь закипела: широкой волной
К нашим новым, богатым владеньям
Шли русские люди, семья за семьей,
И селенье росло за селеньем.
Не мало легло здесь в борьбе трудовой,
Обливаясь и кровью и потом, —
Но край развился, и России родной
Стал надежным, могучим оплотом.
И над столь недавно пустынной страной
Засветились лучи просвещенья:
Открылись в ней школы, одна за другой,
Открылся простор для ученья.

***

Одною из первых открыта была
Начальная школа кадетов;
Она в своих стенах всегда берегла
Святыню старинных заветов.
Она уже корпусом стала, — и с ним
Мы празднуем день новоселья:
Да будет наш корпус судьбою храним
В минуты труда и веселья!
Да будет наш корпус приютом родным,
Приютом любимым кадета!
Да будет он здесь, на окраине чтим
Рассадником правды и света!

1903 г.

В. Ландер.

Ввиду увеличения численности русских войск в Приамурье и необходимости организовать обучение детей офицеров и чиновников, служивших в этом крае, 11 октября 1888 г. была открыта в Хабаровске Приготовительная Школа при Сибирском кад. корпусе. Эта Школа была 30 апреля 1900 г. переформирована в Хабаровский кадетский корпус; 16 мая 1908 г., по случаю 50-летия присоединения Приамурья и Уссурийского края, по Высочайшему повелению корпус был наименован Хабаровским графа Муравьева-Амурского кад. корпусом. Корпус состоял из 4-х рот, причем в 4-ю роту входили Приготовительный и 1-й классы, каждый из 3-х отделений.

В первых числах марта 1917 г. в корпусе были получены первые телеграммы, извещавшие о революционных событиях в Петрограде. В связи с этим, в Хабаровске произошла смена властей и появились Уполномоченный нового правительства А. Н. Русанов и новый командующий войсками ген. Высоцкий; 7 августа 1917 г. корпус был переформирован в Хабаровскую гимназию военного ведомства, как и все остальные Российские корпуса. В сентябре 1917 г. был образован Родительский Комитет Хабаровской воен. гимназии, под председательством инж. Денисова, сыгравший большую роль в деле защиты интересов учебн. заведения, во время последовавших тяжелых событий. После Октябрьского переворота, в ноябре 1917 г. была разогнана старая Городская Дума и управление городом полностью перешло в руки большевиков.

Кадеты и офицерский состав служащих в корпусе отнеслись к перевороту и к новой власти резко враждебно и заняли совершенно непримирумую позицию по отношению к большевикам. Те новшества, которые появились при Врем. Правительстве, т. е. комитеты служащих, вольнонаемных и солдат, участие прислуги в Хозяйственном Комитете и др., носили вначале довольно скромный храактер и почти не касались учебно-воспитательной области. Но когда кадровых солдат забрали в строй, а вольнонаемных мобилизовали, то служительский состав резко изменился и, к моменту появления большевиков, настроения в их среде стали все более угрожать мирной жизни корпуса. Этому способствовали также действия трех преподавателей, к которым позже присоединился и четвертый, еще раньше удаленный из корпуса. Демагогические выходки этой группы сильно возбуждали и без того ненадежный служительский состав.

Резкое вмешательство большевиков в управление корпусом началось после собрания служащих 3 января 1918 г., когда под давлением крайне левых элементов был установлен контроль над директором и над педагогическим персоналом. Была образована Учебно-воспитательная Комиссия из 5-ти членов, под председательством препод. Чмутова, в которую вошли членами и низшие служащие. Должности офицеров-воспитателей были замещены сельскими учителями. Одновременно были удалены директор, инспектор классов и его помощник, а все воспитатлеи и ротные командиры, выслужившие учебную пенсию, были заменены слушателями местного Учительского института, конечно большевиками.

Наконец, 16 марта 1918 г. в приказе по войскам Приамурского воен. округа было объявлено о расформировании корпуса (гимназии); служащие были уволены в отставку, кадеты имевшие родителей были отправлены по домам, те же у кого не было родитлеей, были помещены в Хабаровский городской приют на Красной Речке. Прекрасно оборудованное здание корпуса со всем своим имуществом было захвачено Хабаровским совдепом и в нем разместились различные комиссариаты. Имущество корпуса постепенно расхищалось, особенно обмундирование, и на улицах города часто можно было встретить «пролетарских» детей, одетых в кадетскую форму.

С февраля месяца 1918 г. в Приморье началась борьба с большевиками атамана Уссурийского каз. войска Калмыкова, при поддержке японцев, а в Забайкалье атамана Семенова; в то же время ген. Хорват изгнал большевистские войска из полосы отчуждения Китайско-Восточной жел. дороги. В результате успехов белых отрядов, 5 сент. 1918 г. Хабаровск был занят атаманом Калмыковым, после чего в город вступили и японские части, которые на правах «победителей» заняли для себя значительную часть здания корпуса. Сразу после этого, Родительский Комитет корпуса постановил ходатайствовать о восстановлении корпуса и это было достигнуто к середине сентября.

Директору корпуса, ген. майору Никонову, было дано разрешение собрать кадет, многие из которых были в составе белых отрядов, и прежний состав служащих. В октябре месяце 1918 г. при корпусе было сформировано Военное Училище имени атамана Калмыкова; в училище, в первом выпуске, было два отделения — пешее и конное, а во втором прибавилось и артиллерийское. Начальником училища был директор кор-

пуса ген. Никонов, его помощником и инспектором офицеры корпуса, продолжавшие исполнять свои обязанности на своих должностях в корпусе.

Как уже было сказано выше, большая часть корпусного здания была занята японцами и, поэтому, кадет пришлось разместить в сильной тесноте. Изоляции от японцев не было и непосредственная близость к солдатской массе оказывала на кадет нежелательное влияние: даже приготовишек солдаты угощали папиросами, а другим предлагали японскую водку саке. Таким образом, 1918-19 учебный год прошел в ненормальных условиях, тем более что все хозяйственные вопросы наталкивались на полное отсутствие средств. Питание было скудное, запасов белья и обмундирования не было, т. к. все было разграблено красными и все средства поглощались расходами на обувь и на отопление.

В этой обстановке прошел весь 1919 год и январь 1920 года. И в Зап.Сибири, и на Дальнем Востоке, произошли события уже описанные в 1-й части этого очерка, посвященной судьбе Сибирского корпуса. В течение всего этого времени, большое число кадет Хабаровского корпуса входило в состав отрядов, боровшихся против красных в Приморье, в Забайкалье и в других местах Сибири и Дальнего Востока, теряя своих товарищей ранеными и убитыми. Помимо добровольного участия кадет в белых отрядах, военное училище в Хабаровске почти полностью комплектовалось из выпускных кадет, которые по окончании курса производились в хорунжие. Некоторое количество хабаровских кадет окончило также Читинское военное училище, основанное атаманом Семеновым в Чите.

После роспуска кадет на Рождественские каникулы в декабре 1919 г., Хабаровск был окружен партизанами и отрезан и от Владивостока, и от Благовещенска и Харбина. Кадеты, уехавшие в эти города, а также в Забайкалье, составили больше половины общего числа кадет и, поэтому, занятия после каникул начались при сокращенном количестве учеников. В этой тревожной обстановке 13-15 февр. 1920 г. японцы неожиданно покинули Хабаровск, предложив уйти также и атаману Калмыкову с оставшимися ему верными частями. Вместе с ними ушли и юнкера военного училища. Как известно, поход этих частей оказался очень неудачным и в числе погибших было около 7-ми кадет. После ухода белых, Хабаровск был занят «зелеными» земскими войсками и, вслед за ними, в город вошли красные партизаны, которые ночью проникли в здание

корпуса и расположились на кадетских кроватях. «Зелеными» командовал Булгаков-Бельский, а красными партизанами — Иванов, организатор событий на Хору, где были зверски убиты 96 офицеров.

Все помещение и все скудное имущество корпуса было отобрано партизанами. Кадеты были уволены по домам, а оставшиеся были помещены в части верхнего этажа главного здания, где с ними были организованы занятия, с очередными дежурствами воспитателей. Но 19-го февраля партизаны арестовали членов Родительского Комитета и, вместе с ними, полк. Мартьянова. Одновременно был арестован директор корпуса, ген. Никонов, воспитатели подпол. Шлегель, кап. Косенко и секретарь Снопов; все они содержались сначала при корпусе, потом были переведены в городскую тюрьму, кроме директора, который был переведен в свою собственную квартиру под поручительство нескольких служащих корпуса. Директора обязали продолжать его служебные обязанности, но под наблюдением вооруженного партизана, который сидел в кухне и сопровождал директора во время его выходов по служебным делам в другие помещения. После долгих переговоров, удалось добиться освобождения ген. Никонова, который покинул здание корпуса и поселился в квартире французского консульского агента в Хабаровске, быв. преподавателя французского языка в корпусе.

По настоянию партизан, начальник гарнизона Булгаков-Бельский издал приказ о расформировании корпуса, с передачей его служащих в распоряжение Хабаровского Воинского начальника, хотя это противоречило распоряжению ген. Болдырева, командующего войсками во Владивостоке. Оставшиеся в здании кадеты-сироты, были сведены вместе и жили в корпусном лазарете, под надзором одного воспитателя, подполк. Семенова. Их было около 30 человек.

4 и 5 апрлея 1920 г. произошло внезапное вооруженное выступление японцев в Хабаровске и в Южно-Уссурийском крае. Во время этого выступления сильно пострадало главное здание корпуса и другие постройки от орудийного огня японцев и от пожаров. Во Владивостоке образовалось правительство Антонова, а Хабаровск был освобожден и от пратизан, и от большевиков. Из городской тюрьмы сразу же были освобождены арестованные служащие кропуса и члены Родительского Комитета. В уцелевшем здании нового лазарета корпуса были оганизованы учебные занятия для кадет, с прежним составом

воспитателей и преподавателей, под руководством инспектора классов полк. Мартьянова. Прежний инспектор, ген. Корнилов, с начала апреля находился во Владивостоке, куда он был вызван ген. Болдыревым для доклада о корпусных делах.

ВО ВЛАДИВОСТОКЕ, НА РУССКОМ ОСТРОВЕ.

В июне 1920 г. во Владивосток выехал также и ген. Никонов, оставив в корпусе своим заместителем полк. Мартьянова, до возвращения из командировки ген. Корнилова. Но во Владивостоке, по поручению ген. Болдырева, ген. Корнилов приступил к формированию на Русском Острове «Школы для детей рядового и командного состава армии» в районе 36 полка. В эту школу были сбораны все желающие кадеты из Владивостока и Южно-Уссурийского края, а также и солдатские дети. По приезде ген. Никонова, ген. Корнилов предложил ему продолжить дальнейшее формирование школы, но тот отказался и уехал в Японию.

В течение нескольких дней в школе собралось около 200 кадет, для которых были налажены занятия, продолжавшиеся в течение 3-х месяцев. Через неделю после открытия, школу посетил ген. Болдырев и убедился, до какой нищеты дошли кадеты: у некоторых не было нижних рубах, многие были босыми, почти ни у кого не было постельного белья. Его желание пойти навстречу всем нуждам разбивалось от полного отсутствия запасов в интендантстве, препятствиями со стороны комиссаров и их нежеланием признать за командующим войсками право открывать школу, вследствие чего большевики тормозили весь этот вопрос на каждом шагу. Служащие школы 5 месяцев не получали жалованья и 8 месяцев не было получено ни одной копейки ни на какие хозяйственные и учебные расходы. Освещались свечами, когда удавалось их достать. Немного помог Сибирский корпус, но он и сам не имел излишков.

В ноябре 1920 г. остатки Хабаровского корпуса были перевезены во Владивосток, где слились со Школой под общим начальством ген. майора Корнилова. Вместе с кадетами и имуществом прибыла и часть служащих; старые казармы были покинуты и все были переведены в район 35 полка, тоже на Русском Острове. Казармы остались после чехов с развороченными печами, с выбитыми стеклами, грязными и без зимних рам. Не имея решительно никаких срдеств, не получая ничего от Интендантства, руководившегося указаниями боль-

шевистских комиссаров, страдая от недостатка топлива и при почти полном отсутствии освещения, Школа прожила кошмарную зиму, но все же дожила до счастливых дней освобождения Владивостока от большевизма. Но несмотря на все испытания и лишения, дух кадет остался прежний и полная непримиримость к большевизму, как и в Хабаровске, лежала в основе их жизни и занятий.

21 марта 1921 г. около 50-ти старших кадет, с провокационной целью были вызваны во Владивосток, обманом посажены на катер, привезены в город и арестованы. К счастью, их удалось вскоре освободить, благодаря вмешательству Родительского Комитета и мерам, принятым корпусным начальством.

Наконец, 26 мая произошел переворот во Владивостоке, в котором приняли активное участие и кадеты; было создано «белое» Правительство, во главе с председателем Меркуловым. Начальником Управления Военно-учебных заведений был назначен ген. Шелавин; «школа» получила старое наименование Хабаровского кад. корпуса и ген. майор Корнилов был назначен его директором. К этому моменту в корпусе числилось по списку 367 кадет, в числе которых было 39 выпускных.

С октября месяца 1921 г. началось очищение от красных Уссурийского края и вообще наступление белых войск, в результате чего г. Хабаровск был взят. Интреесно отметить, что в это время во Владивосток прибыл из Месопотамии пароход «Фердинанд», который привез около 400 чинов Добровольческой Армии Юга России, оказавшихся в тех краях. Среди них было 6 кадет Донского корпуса (Бурлюк, Руди, Шутов, Суворов, Зазулевич и Потулов), которые все были зачислены в Хабаровский корпус. А три года спустя, кадеты хабаровцы, по прибытии в Югославию и после расформирования корпуса, сами были определены частью в Донской корпус, частью в другие корпуса.

1922 год ознаменовался контр-наступлением красных в Уссурийской области несогласиями между Народным Собранием и правительством Меркулова и образованием в августе правительства ген. Дитерикса. Положение этого нового правительства было непрочно, т. к. купеческие слои Владивостока и его наиболее обеспеченные жители отказались от финасовой поддержки и от помощи белым. Общая обстановка потребовала организации самоохраны на Русском Острове и к ней были привлечены кадеты старших классов, под командой полк.

Мартьянова и его помощника полк. Берникова. Кадетам были выданы винтовки и введено обучение стрельбе.

В конце октября 1922 г. японские войска покинули Владивосток, а 25 октября белые части, учреждения и часть жителей эвакуировались из России на судах флотилии адмирала Старка.

ЭВАКУАЦИЯ ХАБАРОВСКОГО КАД КОРПУСА В КИТАЙ.

Уход из России и морской переход до Шанхая ознаменовались событиями, которые уже частично описаны в 1-й части этого очерка, но необходимо сказать, что эвакуация корпуса, посадка на суда флотилии и переход в Гензан прошли не так гладко и безболезненно, как это можно было бы ожидать со стороны старших начальников белых отрядов и флотилии. Были моменты, когда оказывалось, что кадет готовы бросить на произвол судьбы и что не было сделано никаких распоряжений относительно вывоза кадет. Только благодаря энергии и настойчивости и ген. Корнилова, и других чинов корпусного персонала, удалось добиться погрузки кадет 1-й и 2-й рот, части персонала и некоторого количества вещей. Часть кадет 3-й роты, родители которых потребовали, чтобы их дети были оставлены, были для этого переданы в Сибирский корпус, остальные же выехали с корпусом и были в Мукдене вместе со 2-й ротой. Кроме того, остались ввиду семейного положения, по старости или по болезни, воспитатели подполк. князь Чегодаев и Манковецкий, секретарь Снопов, бухгалтер Супранович, преподаватель Городуев, священник о. Козловский и библиотекарь Карпенко.

Основываясь на обещании командующего флотилией адмирала Старка, кадеты и служащие со своими семьями с 22 октября находились на берегу, в ожидании прихода корабля, который должен был их забрать. Сидели на берегу под дождем, питались тем, что было взято с собой, не имея никаких известий из Владивостока с которым всякая связь прекратилась. В этой обстановке прошел и день корпусного праздника 24 октября, отмеченный лишь молебном под открытым небом. И только лишь около 10 ч. утра, 25 октября, показались корабли флотилии, которые уже были переполнены людьми так, что командующий адмирал Безуар сначлаа отказался забрать всех, кто ждал на берегу. Только после энергичного

настояния ген. Корнилова был прислан катер «Воевода», который в два приема перевез кадет и служащих с частью вещей. В воспоминаниях участников эвакуации отмечено, что кадет встретили на кораблях неприветливо и грубо начальственно, с криками и бранью, причем особенно отличался мичман Михайлов, который потом перешел к большевикам, как стало известно.

После того, как произошло разделение на две части в Гензане, в течение нескольких месяцев судьбы кадет пошли по двум разным путям. Кадеты 2-й роты были японцами отправлены в Мукден, где всех поместили в общем бараке с другими беженцами. Кормили плохо и жить приходилось в тесноте. Бани не было и мыться приходилось во дворе под краном, в любую погоду. В кадетах принял участие наш военный агент в Китае, полк. Блонский. Образовался Комитет помощи, который вместе с японцами снабжал кадет провизией и отвел им отдельный барак. Но помощь была недостаточной и питание оставалось скудным. Так продолжалось до июля 1923 г., когда японцы перевезли всех в несколько приемов в Шанхай, где кадеты соединились, наконец, с остальным корпусом.

Оставшаяся в Гензане на кораблях 1-я рота хабаровцев и все, кто погрузился с корпусом, стояли далеко от берега, страдая от тесноты, духоты и жары. Ввиду того, что прибывшие раньше воинские части держали себя на берегу сначала довольно распущенно, японская полиция не разрешила сходить с кораблей никому. На кораблях были вынуждены поддерживать пары и тратить драгоценный уголь, за который японцы считали неимоверно дорого. Только после того, как образовался Комитет Красного Креста, в который вошли директора обоих крпусов, японцы пошли на соглашение. Гражданским беженцам дали на берегу бараки, но воинским частям не разрешили покинуть корабли. Кадетским корпусам японцы тоже не разрешили сойти на берег, причисляя их к составу армии. Ввиду этого на кораблях была произведена перегруппировка: сухопутные войска переместили на транспорты, гражданских лиц высадили на берег, а кадет распределили по военным судам в качестве матросов, кочегаров и вообще в помощь командам. Директор корпуса и другие чины персонала с семьями были устроены на военных судах. Полк. Н. Ц. Грудзинский, ротный командир Хабаровского корпуса, был оставлен с группой кадет, служивших на траспортах, в надежде на то, что японцы согласятся отправить их в Мукден, ко 2-й роте.

Спустя некоторое время, японцы неожиданно заявили, что они начнут вывозить русских из Гензана группами и что первый эшелон двинется на Шанхай. Все были погружены на пассажирский пароход; проезд был оплачен японцами, которые выдали, помимо этого, по 10 иен на человека. Из Гензана пошли в Симоносеки, в Японии, потом на барже всех перевезли на другую сторону пролива в Моджи. Со стороны японцев, и властей, и частных лиц, русские встретили очень радушный и заботливый прием. Жители города, торговые фирмы и городская администрация нанесли много подарков детям и взрослым, в том числе 40 пар обуви на резиновой подошве для кадет; жертвовали и деньгами, и продуктами, что оставило у всех русских чувство глубокой признательности и морально поддержало всех. После короткого пребывания в Моджи, японцы перевезли эту группу в Шанхай, куда в мае 1923 г. прибыла также из Мукдена и 2-я рота хабаровцев и где, наконец, соединились вместе все части Хабаровского корпуса.

Старшая рота хабаровцев, с которой находился и директор, ген. Корнилов, после пребывания почти в течение целого месяца на кораблях флотилии в порту Гензана, вышла в Шанхай. Как известно, во время этого перехода флотилия попала в жестокий тайфун, во время которого погиб со всем своим экипажем вспом. крейсер «Лейтенант Дыдымов». В числе погибших было 17 кадет хабаровцев:

Артюхов Георгий
Беловежский Борис
Буксель, барон, Рихард
Голованенко Василий
Дюков Борис, вып. 1920 г.
Ельцов Николай
Жигалин Александр
Мельницкий Юрий
Мельницкий Ростислав
Морозко Борис
Парицкий Дмитрий
Пономарев Николай, вып. 1920 г.
Степанов Иоанн
Ткаченко Борис
Черняев Димитрий
Чинизубов Георгий
Чистяков Сергей

Корпус высадился в Шанхае 30 декабря 1922 г. Вначале, китайские власти не давали никому разрешения сходить на берег; европейцы не хотели пускать кадет на территорию своих концессий, а быв. русский консул г. Гроссе отмахивался от корпусов и руками, и ногами. Наконец, некоторые предприниматели и купцы выдали 25 удостоверений кадетам, что

Младшие кадеты в 1922 г. в лагере в Мугдене с японским жандармом.

такие-то лица приняты на службу и не будут обременять общество. С этими удостоверениями сошли на берег все: каждая группа в 25 человек, сойдя на берег, находила способ вернуть свои удостоверения обратно на корабль и ими пользовалась следующая группа и т. д. Оба корпуса, и Сибирский, и Хабаровский, были помещены вместе, в вилле одного отсутствовавшего иностранца на Джесфилд Род № 4.

ПРЕБЫВАНИЕ КОРПУСА В ШАНХАЕ.

Флотилия ушла на Манилу, кадеты остались в Шанхае и иностранцы оказались перед совершившимся фактом. После прибытия в Шанхай всех других частей корпуса из Мукдена и из Японии, к 1 января 1923 г. Хабаровский корпус имел следующий состав: учащихся — 226 (кадет 155 и окончивших свыше 70-ти), прикомандированных Корниловского воен. училища — 14, штатных служащих — 28, вольнонаемных — 20, членов семейств служащих — 31, всего 319 человек. Сразу же после устройства на новом месте, корпус возобновил свою учебную работу.

Живейшее участие в устройстве корпуса в Шанхае приняло Русское Консульство и состоявшее при нем местное благотворительное Общество, во главе которого стояла супруга консула. На призыв об оказании помощи корпусам откликнулись многие из обывателей Шанхая, как русские, так и иностранцы, причем был учрежден особый «Комитет помощи сиротам жертв Великой Войны». Общее Собрание членов Комитета выделило из своего состава исполнительный орган в виде Комиссии, под председательством генерала Вальтера, в состав которой вошли адмирал Ковальский (тов. председ.), вице-консул К. Э. Менлер и директора обоих корпусов. Комиссия эта работала до 26 мая 1923 г., после чего сложила свои полномочия; были произведены выборы в новую Комиссию, председателем которой избрали г. Гробуа, а в состав членов, русских и иностранцев, вошли опять оба директора корпусов.

В течение периода деятельности первого Комитета, источниками получения средств были благотворительные сборы и пособия, присылавшиеся Русским Воен. Агентом в Японии ген. Подтягиным и Благотворительными Обществами Тяньцина и Ханькоу. Но ко времени образования нового Комитета выяснилось, что дальнейшее существование корпусов на благотворительные пожертвования невозможно. Поэтому возникла мысль об устройстве лотерей. Для этой цели был организован новый Международный Комитет, председателем которого был избран г. Гробуа; для организации лотереи были получены разрешения от китайских властей и от французского генер. консула. Первый тираж лотереи состоялся 8 октября 1923 г. и принес крупный доход. Помимо лотереи, продолжалось поступление различных пожертвований, а также некоторый доход получался за игру кадетских оркестров и за работы кадетских мастерских. Но всего этого было совершенно недостаточно для покрытия всех расходов. На иждивении Международного Комитета числилось 590 кадет и чинов персонала с их семьями, а получаемых средств едва хватало только на питание и на уплату за дом, за освещение и за воду. На все остальные расходы, включая обмундирование и медицинские расходы, денег уже не было и задолженность росла каждый месяц.

Несмотря на все неблагоприятные условия, с первых же дней начались учебные занятия; педагогический персонал корпуса добросовестно и самоотверженно вел свою работу и кадеты прилагали все усилия, чтобы облегчить ему это дело.

Необходимо особенно обратить внимание на то, что чины персонала не получали никакого вознаграждения за свою работу; кроме того, во время тайфуна, от которого пострадали суда флотилии по пути к Шанхаю, было потеряно до 75% имущества корпуса и занятия приходилось вести почти без учебных пособий. В этих тяжелых условиях, в июне 1923 г. был сделан очередной XIX выпуск, а в 1924 г. следующий XX. Оканчивавшие кадеты, в своем большинстве, продолжали жить вместе с корпусом, в том же здании. С 1-го сентября корпус переселился в особняк на Авеню Жоффр, 308, и при нем были устроены походная церковь в небольшой комнате, служившей как бы залом, затем мастерские — столярная, слесарная, сапожная и переплетная. Мастерские принимали частные заказы и плата за них давала небольшой доход корпусу.

Международный Комитет, не имея возможности покрыть все расходы по содержанию корпусов, был вынужден искать выход из создавшегося положения и одно время даже обсуждал мысль о распылении кадет по частным семьям и пансионам, но этот проект не встретил сочувствия ни у кадет, ни в среде персонала. Поэтому, были начаты хлопоты по переезду корпусов в Югославию, откуда был получен ответ о разрешении ввезти 500 человек. В известиях, полученных в ответ на запросы, определенно указывалось, что будет невозможно сохранить кропуса целиком, но говорилось, что кадеты будут обеспечены и смогут закончить свое образование. Часть персонала корпуса могла расчитывать на устройство, но лица не причисленные к корпусам, не могли надеяться на получение помощи. Попытки хлопотать о разрешении въезда в Соед. Штаты успеха не имели и, поэтому, было принято окончательное решение переезжать в Югославию. Туда был командирован полк. Грудзинский, который выехал из Шнахая 31 января 1924 г. для хлопот о сохранении всего корпуса. Хлопоты эти, как известно, успехом не увенчались.

Отъезд корпуса из Шанхая и долгое морское путешествие на французском пароходе «Партос» уже были описаны в первой части этого очерка. По прибытии в Сплит, ген. Корнилов отправил телеграммы Королю Александру, Великому Князю Николаю Николаевичу и генералу Врангелю, докладывая о прибытии корпуса в Югославию и о глубокой вере кадет в грядущее возрождение России. Корпус перешел на иждивение Державной Комиссии; кадеты и семьи корпусных служащих были размещены в казармах пехотного полка и зачисле-

ны на солдатское довольствие. В воспоминаниях кадет отмечено, что первая еда была с большим количеством перца и, не зная об этом, все обжигали себе рты этой непривычной приправой. Лица, не состоявшие в списках корпуса, были отправлены в Белград, откуда разъехались по другим местам. Все кадеты были распределены по следующим корпусам: большую часть полк. Магденко повез в Донской корпус, вторая часть, меньшая, была отправлена в Русский кад. корпус (Сараево), а самое меньшее количество попало в Крымский корпус.

Хабаровский графа Муравьева Амурского кад. корпус прекратил свое существование и был расформирован 1 февраля 1925 г. Событие это было тяжлео пережито всеми кадетами. Во время всех пережитых испытаний, они тесно сплотились в одну дружную семью и, несмотря на все неблагоприятные сведения, они все же верили, что родной корпус будет сохранен. Но судьба сулила иное и тесной семье хабаровцев пришлось разделиться и перейти в ряды кадет других корпусов. Но и там они продолжали сохранять свою связь с однокашниками; в своем большинстве, они были повсюду среди лучших учеников и нигде не посрамили имя своего родного корпуса.

По отношению к своему последнему директору, ген. майору Афанасию Алексеевичу Корнилову, кадеты хабаровцы сохранили чувство любви и большой благодарности за его отеческое отношение и за все его заботы о них. Точно также они сберегли благодарную память о чинах учебно-воспитательного персонала корпуса, которые не покинули кадет в тяжелые дни и разделили с ними все лишения и невзгоды на долгом пути от Амура до берегов Далмации.

Составлено по материалам из архива корпуса в музее О.К.О. в С. Франциско, дополненных кадетскими воспоминаниями, собранными С. Марковым и П. Гаттенбергером.

Редактировал *А. Росселевич.*

СПИСОК *

Чинов персонала Хабаровского графа Муравьева Амурского кад. корпуса на 1-е октября 1924 года (Шанхай).

Генерал-майор Корнилов, Афанасий Алексеевич, директор корпуса. (Ю)
Полковник Грудзинский, Николай Цезарович, командир роты (Ю — раньше других)
Полковник Мартьянов, Дмитрий Павлович, командир роты (Ю),
Полковник Иванов, Александр Александрович, командир роты,
Подполковник Ажисантов, Николай Павлович, инспектор классов.
Подполковник Яковлев, Пантелеймон Алексеевич, воспитатель.
Подполковник Сейфулин, Леонид Владимирович, воспитатель.
Полковник Кузнецов, Андрей Дмитриевич, воспитатель.
Капитан Быков, Александр Александрович, воспитатель,
Полковник Берников, Иван Миронович. (Ю)
Подполковник Балицкий, Антон Антонович,
Штабс-капитан Мартьянов, Лев Дмитриевич (Ю),
Цехановский Иосиф Александрович, старший врач (Ю),
Подполковник Магденко, Виктор Владимирович, эконом корпуса (Ю),
Поручик Рославлев, Владимир Александрович, смотр. зданий и завед. обмунд. (Ю).
Поручик Иванов, преподаватель,
Штабс-капитан Муромцев, Петр Сергеевич, преподаватель (Ю),
Стерлигов В. М., преподаватель.
Статский советник Смирнов (Ю),
Статский советник Зимин, Константин Николаевич (Ю),
Чудаков Виктор Иванович, преподаватель.
Архангельский Валериан Петрович (Ю),
Священник Отец Николаевский,
Коллежский Ассесор Супранович, Петр Лукич, казначей (Ю).
Суворов Иван Дементьевич, капельмейстер (Ю),
Сестра милосердия Екатерина Александровна Пинт.

Вольнонаемные служащие :

Гаттенбергер Мария Васильевна
Лазарева, починщица (Ю).
Цветкова, починщица
Есаул Комар (Ю)
Хорунжий Ларин
Федосеев Иосиф (Ю)
Амазин Иван (Ю)
Калстратов Алексей (Ю)
Лиханов Степан (Ю)
Сафонов Василий (Ю)
Чернега Алексей (Ю)
Вербицкий, сапожник (Ю)
Беляев (Ю)
Есаул Курицын (Ю)

---

* Пояснения условных обозначений в помещаемых ниже списках: (Ю) означает, что этот офицер, или служащий в кропусе, или кадет, уехали в Югославию со всем корпусом; (Д) кадет был зачислен в Донской корпус, (К) — в Крымский и (Р) в Русский кад. корпус.

XVI ВЫПУСК 1919-1920 г.
(Последний выпуск в г. Хабаровске)

Чеславский Игорь, вице-фельд.

Вице унт. офиц.:

Борисоглебский
Лех Викторин
Мандрыка Виктор
Мартьянов Николай
Павлов Михаил
Парицкий
Петренко Глеб
Пономарев Николай
(погиб на "Лейт. Дыдымов")
Редько
Сейфулин Владимир
Ткаченко Борис
Фелькнер Георгий
Хейсканен Юрий
Худяков

Кадеты:

Азмидов Владимир
Артюхов Михаил
Афоничев Василий
Богомолец Борис
Бубнов Михаил
Бутаков Леонид
Ваксмут
Величко
Вертопрахов Петр
Гусаковский Георгий
Данович Никита
Дмитриев
Дорошенко Павел
Дульский Ромуальд
Дюков Борис
(погиб на "Лейт. Дыдым.")
Дунаев
Ермолаев
Зальцман
Иванов Константин
Ильенков
Калатилин Ананий
Качин Петр
Керо-Ор
Кезы Гирей
Костюрин Анатолий
Красовский Евгений
Кузнецов
Куржанский Борис
Масаковский
Маунев Григорий
Минаев Виктор
Нилендер
Остроградский Леонид
Преображенский Николай
Потулов
Пфингстен
Рекош Иван
Реутт Игорь
Рудановский
Савицкий Юрий
Сафьяников
Скребоскин
Сычев
Таут Павел
Федоров Константин
Чекин
Чертенков Николай

XVII ВЫПУСК 1921 г.
(г. Владивосток, Русский Остров)

1. Абидин Александр
2. Артюхов Николай
3. Беляев Андрей
4. Беляев Ипполит
5. Бухало Владимир
6. Гириллович Александр
7. Гаевский Евгений
8. Гроссевич Виктор
9. Данилов
10. Ермолаев Федор

11. Ермоленко Георгий
12. Журавлев Дмитрий
13. Зальцман Борис
14. Краснопольский
15. Куржанский Владимир
16. Никонишин Григорий
17. Плотников Николай
18. Подгорецкий Владимир
19. Польговский Евгений
20. Правосудович Ростислав
21. Рогальский Владимир
22. Рождественский Борис
23. Рубановский Глеб
24. Савицкий Арсений
25. Сильницкий Юрий
26. Тимореев Герман
27. Токмаков Николай
28. Чегис Евгений
29. Чегодаев кн., Виктор
30. Якубовский Измаил

XVIII ВЫПУСК 1922 г.
(г. Владивосток, Русский Остров; воспит. полковник князь Чегодаев, Ник. Влад.)

1. Щелкин Борис, вице-фельд.

Вице-унт. офиц.:

2. Антонов Петр
3. Алимов Вячеслав
4. Белунский Владимир
5. Григоров Василий
6. Давыдов Борис
7. Калатилин Алексей
8. Леонов Анатолий
9. Паритский Серафим
10. Торгашев Антоний
11. Федоров Виктор
12. Шишмарев Олег
13. Яковлев Алексей

Кадеты:

14. Александров Леонид
15. Быков Александр
16. Бирюков Анатолий
17. Белковский Алексей
18. Бойко Николай
19. Бойко Анатолий
20. Богомолов Николай

Кадеты:

21. Вальков Валентин
22. Дауки
23. Зуб Константин
24. Иванов Михаил
25. Коновалов Борис
26. Климов Георгий
27. Куржанский Алексей
28. Кровяков Олег
29. Кузнецов Евгений
30. Михайловский Федор
31. Никонишин Иннокентий
32. Попов Александр
33. Реутт Олег
34. Сухотин Павел
35. Суходольский Анатолий
36. Сурин Виктор
37. Танаев Георгий
38. Федосеев Константин
39. Шильников Борис
40. Челпанов Анатолий

Экстерном:

Ларин Леонид

XIX ВЫПУСК 1923 г.
(г. Шанхай, Китай; воспитатель подполк. Магденко, Вик. Викт.)

1. Ермолаев Николай, вице-фельд.

вице-унт. офиц.:

2. Бурлюк Вячеслав (Ю)
3. Кузнецов Михаил (Ю)
4. Козловский Иннокентий (Ю)
5. Мартьянов Александр (Ю)
6. Радзиевский Петр (Ю)
7. Яковлев Зиновий

Кадеты :

8. Альбов Сергей
9. Анкудинов Аркадий (Ю)
10. Анкудинов Василий
11. Баранов Константин
12. Богданов Николай
13. Бекентьев Владимир (Ю)
14. Войцехович Константин
15. Войвич Владимир
16. Дорожинский Олег
17. Иванов Александр
18. Иванов Николай
19. Коренев Константин
20. Кайгородцев Владимир
21. Кузмицкий Алексей
22. Кудрявцев Георгий (Ю)
23. Крыловский Александр
24. Куржанский Михаил
25. Кузмин Леонид
26. Коротков Николай

Кадеты :

27. Ливанов Николай
28. Ложкин Лев (Ю)
29. Мячков Василий
30. Некоркин Николай
31. Олофинский Всеволод
32. Пель-Горский Борис
33. Погибин Петр
34. Прокушкин Николай
35. Руди Николай
36. Рутилевский Игорь
37. Супранович Александр (Ю)
38. Татаринов Владимир
39. Тучков Сергей
40. Цветков Алексей
41. Шутов Николай

Вышел из корпуса до выпуска:

Белунский

XX ВЫПУСК 1924 г.

(г. Шанхай, Китай; воспит. полк. Иванов, Александр Александр.)

1. Антонов Павел
2. Базылов Федор
3. Власов Сергей (Ю)
4. Векентьев Александр (Ю)
5. Вишневский Николай (Ю)
6. Гаевский Вячеслав
7. Дюков Глеб (Ю)
8. Зверев Александр
9. Калюжный Кирилл
10. Касьяник Николай
11. Клисурич 1-й Владимир (Ю/Д)
12. Костромин Владимир
13. Кузнецов 2-й Александр
14. Кузнецов 3-й
15. Кулеш
16. Космовский Борис (Ю)
17. Лапковский Георгий
18. Лисевецкий Сергей (Ю)
19. Леонов Алексей
20. Перфилов Юрий
21. Родцевич-Плотницкий Леонтий (Ю)
22. Сурин Александр
23. Соколов Петр
24. Самойлов Серафим (Ю)
25. Тучков Александр (Ю)
26. Тебнев Николай
27. Цветков Владимир
28. Чернев Владимир
29. Шатров Константин (Ю)
30. Щелкин Аркадий
31. Эллерс Алексей

Выбыли из состава XX-го выпуска до окончания корпуса.

1. Гудков
2. Громов
3. Елеевский Александр (Ю/Д)
4. Зазулевич
5. Кашинский
6. Косов
7. Колосков
8. Малыгин Николай (Ю/Д)
9. Мамлеев Измаил
10. Медвецкий Борис
11. Макаров Николай
12. Никольский Георгий
13. Пасхальский
14. Павлов Николай
15. Петров
16. Постников
17. Пославский Борис
18. Потулов
19. Суворов
20. Татаринов Сергей
21. Фартаков
22. Фаворов
23. Шипов 1-й
24. Шипов 2-й

XXI ВЫПУСК — 7-й КЛАСС.

(большинство закончили в Югославии, в составе других кадетских корпусов).

1. Батезат Александр (Ю)
2. Бердников Глеб (Ю)
3. Бацевич Вячеслав
4. Боровиков Борис
5. Беляев Констатин (Ю)
6. Викентьев Всеволод (Ю)
7. Дронов Леонид (Ю/Д)
8. Иванов Петр (Ю/Д)
9. Клисурич Владимир (Ю)
10. Кончаловский Евгений (Ю/Д)
11. Костромин Владимир (Ю/Д)
12. Клеймюк Юлиан (Ю)
13. Комракевич Владимир (Ю)
14. Криницкий Владимир
15. Кашин Адриан (Ю)
16. Киркор Евгений
17. Калюжный Олег
18. Лапковский Алексей
19. Мезген Георгий (Ю)
20. Немцев Сергей
21. Попов Петр (Ю/Д)
22. Павлов Николай
23. Сальянский Владимир (Ю)
24. Сенявин Сергей (Ю/Д)
25. Третьяк Дмитрий (Ю/Д)
26. Фицковский Александр (Ю/Д)
27. Фицковский Евгений (Ю/Д)
28. Шабалин Борис (Ю)
29. Щербаков Константин (Ю/Д)
30. Юмашев Владимир (Ю/Д)
31. Пономарев Игорь. вице-ун. оф. (Ю/Д)

(Беляев Кност. и Шебалин Борис сошли с парохода и остались в Коломбо)

Были прикомандированы к выпуску:

Еленевский Александр (Ю/Д), Малыгин Николай (Ю/Д) и Шавров Валериан.

Отбыли из корпуса до его отъезда в Югославию:

Коваленко, Никольский Георгий, Овсянников Виктор, Ступин и Тимковский.

6-й КЛАСС В 1924 г. в ШАНХАЕ:

1. Анисимов Алексей
2. Быков Артамон (Ю/Д)
3. Батезат Георгий (Ю/Д)
4. Барановский Николай (Ю/Д)
5. Болдырев Василий (Ю/Р)
6. Бердников Александр (Ю/Д)
7. Боровский Михаил (Ю/Д)
8. Боровиков Глеб
9. Векентьев Вячеслав (Ю/Д)
10. Волков
11. Глущенко Павел (Ю/Д)
12. Егоров
13. Жук
14. Ирошников Петр (Ю/Р)
15. Кузнецов Лев
16. Клисурич Николай (Ю/Д)
17. Костромин Виктор (Ю/Р)
18. Лютковин Николай (Ю/Д)
19. Мячкин Владимир (Ю/Д)
20. Попов Владимир (Ю)
21. Погибин Георгий
22. Перфильев Георгий (Ю/Д/Р)
23. Тебнев Петр
24. Турецкий Борис
25. Черевков Трофим (Ю/Д)
26. Чипизубов Михаил (Ю/Д)
27. Яковлев Ефрем (Ю/Д)

5-й КЛАСС В 1924 г. в ШАНХАЕ:
(воспитатель капитан Быков, А. А.)

1. Бебешко Иван (Ю/Д)
2. Берегулько Петр (Ю/Д)
3. Боровский Анатолий (Ю/Д)
4. Гаттенбергер Петр (Ю/Д/К/Р)
5. Дмитриев
6. Колпинский Ростислав (Ю/Д)
7. Костромин Валентин (Ю/Д)
8. Лазарев Евгений (Ю/Д/К)
9. Лазарев Лев (Ю/Д/Р)
10. Луполов Иосиф (Ю/Д/К)
11. Леонов Вадим
12. Любимов Георгий (Ю/Д/К)
13. Петроцкий Георгий (Ю/К)
14. Сладковский Аркадий (Ю/Д)
15. Солдатов Павел (Ю/Д)
16. Петров
17. Тимиковский Евгений
18. Торопов
19. Худолей Борис (Ю/Д)

4-й КЛАСС В 1924 г. в ШАНХАЕ:

1. Бабикевич
2. Батезат Константин (Ю/Д)
3. Крузэ Андрей (Ю/Д)
4. Крузэ Эраст (Ю/Д)
5. Магденко Юрий (Ю/ Д)
6. Сладковский Алексей (Ю/Д)
7. Суприанович Георгий (Ю/Д)
8. Плешаков 1-й В.
9. Плешаков 2-й
10. Чекальский Константин (Ю/Д)
11. Малков Александр

МЛАДШИЕ КЛАССЫ В 1924 г. В ШАНХАЕ:

3-й класс:

1. Болдырев Константин (Ю/Р)
2. Блинов Андрей (Ю/Д)
3. Гаттенбергер Владимир (Ю/Д)
4. Моллер Всеволод (Ю/Д)
5. Петроцкий Анатолий (Ю/Д)
6. Малков В.

2-й класс:

1. Боровский Борис (Ю/Д)
2. Гаттенбергер Георгий (Ю/Д)
3. Квятковский Игорь (Ю/Д)
4. Моллер Кирилл (Ю — вернулся из Гонконга в Шанхай)
5. Морозко Игорь (Ю/Д)
6. Пустовойтенко Алексей (Ю/Д)
7. Соколов Георгий (Ю/Р)
8. Храмов Константин (Ю/Д)

1-й класс:

1. Батезат 4-й (Ю)
2. Вериго Виктор
3. Левченко Александр
4. Левченко Константин
5. Цветков Виктор

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

11 мая 1974 г., после тяжелой и продолжительной болезни, в городе Калгари, провинция Альберта (Канада), скончался

Архитектор
АЛЕКСЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ
СЕЛИЦКИЙ

кадет 11 в. 1 Русского В. Кн. Константина Константиновича Кад. Корпуса.

На Северо-Американском континенте жизнь нас столкнула в Калгари 21 год тому назад, знал же я покойного более 50 лет.

Среди русской колонии, сконцентрированной вокруг нашей церкви, Алека пользовался уважением и, будучи человеком религиозным, принимал большое участие в приходской жизни. Неоднократно выбирался на различные должности в Приходском совете и последние годы был бессменным вице-председателем Общих годовых собраний.

Алека был одним из главных инициаторов постройки нового храма и по его проекту и под его руководством наша новая церковь была сооружена. На разработку планов он пожертвовал целый годовой отпуск.

Покойный имел очень хороший и покладистый характер и помогал многим в нужде, интересовался решительно всем и дом его был одним из самых гостеприимных в нашем городе.

Жена и я были очень близки с Алекой и его семьей и довольно часто бывали друг у друга.

Выражаем наше глубокое соболезнование вдове Татьяне Владимировне, дочери Марине Алексеевне Поздниковой и всем родственникам и да поможет им Господь перенести это большое горе.

Мир праху Твоему дорогой Алека!

Олег Герман
8 в. Р.К.К.

НОВАЯ ПОТЕРЯ О.К.О. В АРГЕНТИНЕ.

Л. Б. Казанцев, в.у.ю. 16 вып. 1 Р.В.К.К.К. корпуса

27 января 1974 г. после непродолжительной, но тяжкой болезни, тихо скончался дьякон Леонид Борисович Казанцев.

Покойный, родившийся во Владикавказе 9. 2. 1918, происходил из военной семьи, тесно связанной с кадетскими корпусами. Дед его был долголетним воспитателем и преподавателем в Тифлисском, Владикавказском и Крымском корпусах. Отец — кадровый офицер и тоже кадет, был впоследствии священником в Югославии.

В 1928 г. Л. Казанцев сдал экзамены для поступления в Крымский корпус. Т. к. в Крымском корпусе не было первого класса, он был откомандирован в Донской Имп. Александра Третьего кад. корпус, где и оставался до 1933 г., когда вошел в состав I Русского Вел. Кн. Константина Константиновича корпуса, который и окончил с отличным успехом в 1936 г. Поступил в Югославское Военное училище (Войну Академию), из которого в 1940 г. был выпущен подпоручиком в Противоаэропланную Артиллерию.

После капитуляции Югославянской Армии попал в немецкий плен из которого, по собственному желанию, попал на Восточный фронт. Не удовлетворенный своим положением в немецкой армии, а также поведением немцев в России, нашел способ перейти в Русский Корпус, с которым и оказался в 1945 году в Австрии. Женившись в Австрии, он в 1949 г. приехал с семьей в Аргентину, где за короткое время, успел «стать на собственные ноги», занимаясь покраской домов как предприниматель. Но сперва болезни в семье, а потом и собственная болезнь, подорвали постепенно его силы.

В апреле 1973 года, следуя своим религиозным убеждениям, он принял сан дьякона и до самой смерти служил Богу по мере своих сил.

Прекрасный офицер, хороший друг, семьянин и христианин, он оставил по себе, среди знавших его, самую лучшую память.

Мы, его однокашники, помолившиеся и молящиеся за него, выражаем глубокое соболезнование всем его близким.

Пусть ему будет пухом чужая земля, а между нами вечная память.

Председатель О.К.О. в Аргентине

С. А. Якимович.

Обще Кадетское Объединение в Лос Анжелесе сообщает, что 2 сего июня после продолжительной болезни скончался член Объединения

ГОРГИЙ ЕВГЕНИЕВИЧ ГИНТЕР

Кадет Донского Императора Александра Третьего кадетского корпуса выпуска 1933 года, подпоручик Югославской Королевской Армии.

Объединение выражает свое глубокое сочувствие дочери покойного Тамаре Георгиевне с семьей и семье Потурнак.

Погребение состоялось 5 сего июня в Лос Анжелесе на кладбище «Холливуд Семетери».

ПАМЯТИ ДРУГА.

Георгий Евгениевич Гинтер, окончивший Донской кадетский корпус в 1933 году и вступивший в Югославскую Королевскую Армию, по окончании Югославского военного училища, состоял деятельным членом Обще Кадетского Объединения в Лос Анжелесе, где в продолжении ряда лет был членом правления и казначеем и успешным исполнением своих должностей снискал себе общую признательность и уважение. Как офицер Югославской Королевской Армии еще в Югославии в 1941 году разделил ее трагическую участь, но когда пришло время вступил в ряды Русской Освободительной Армии и прошел ее страдный боевой путь в рядах частей, боровшихся за

освобождение Родины на территории России в Смоленщине, а затем против коммунистов партизан в Югославии. Переехав в США, он своими способностями и трудом заслужил ответственную должность на одном из крупных заводов. К несчастью, полученная на войне контузия, после долгих лет напряженной работы привела к болезни мозга, которой он страдал почти весь последний год. Его страдания облегчались заботливым и внимательным уходом его замужней дочери Тамары. Смерть последовала 2 июня и он погребен в Холливуде, сопровождаемый последними напутствиями его семьи и друзей кадет.

Мир праху Твоему, дорогой друг Юрий Гинтер!

Н. М.

ПАМЯТИ ПАВЛИКА ГАЙДОВСКОГО - ПОТАПОВИЧА.

Я был связан с ним давними дружескими отношениями и пишу эти строки с чувством большой и искренной грусти.

Павлик кончил Русский кад. корпус в г. Сараево вице унт.-офиц., в составе IV выпуска, в июне 1924 г. Он был сыном А. М. Гайдовского-Потаповича, который в чине стат. советника преподавал физику и в Одесском корпусе, и в Сараево, вплоть до 1 окт. 1927 года. Кадеты его любили и все, кто был когда-либо его учеником, сохранили о нем благодарную память.

По окончании корпуса, Павлик приехал в Бельгию, вместе с некоторыми другими однокашниками по выпуску, получил стипендию кардинала Мерсье и поступил в Лувенский университет, где была главная масса русских студентов. Окончив его, получив диплом инженера, Павлик поступил на службу в кампанию, которой принадлежали угольные шахты в бельгийском Лимбурге, в Звартберг близь Генка, где ему пришлось пробыть много лет и достигнуть крупного положения, давшего ему большие связи и влияние в местной среде.

Павлик вскоре женился на б. воспитаннице приюта г-жи Кузьминой-Караваевой и у них родился сын Саша. Его жена Маня была исключительно приветливым и хорошим человеком и их гостеприимный дом привлекал к себе друзей и однокашников, съезжавшихся к ним по праздникам и воскресе-

ньям из Брюсселя. В конце II Мировой войны Павлику удалось выписать к себе отца и мать из Болгарии. Отец его, наш быв. преподаватель, скончался через несколько лет в Звартберге и там же похоронен. Мать дожила до преклонного возраста и скончалась 4-5 лет тому анзад в Брюсселе. Павлику суждено было также потерять свою милую жену, которая умерла от сердечной болезни в начале 50-х годов. Но говоря о Павлике нельзя обойти молчанием те годы, которыми он по праву мог гордиться и когда перед всеми полностью раскрылись его душевные качества.

В начале II Мировой войны угольные шахты по всей Бельгии были реквизированы немцами, и в них для работ были привезены советские пленные и захваченные, вывезенные на Запад, жители оккупированных частей России. Много их попало и в Звратберг, и на окрестные шахты, где им пришлось рбаотать в исключительно тяжелых и непривычных условиях. И вот тут для Павлика открылось широкое поле деятельности. Его дом сделался цетнром, откуда шла моральная и материальная помощь пленным и остовцам, хлопоты об улучшении условий их жизни и работы, заступничество за них и связь с теми, кому удавалось бежать и скрываться в Арденнах, под защитой Бельгийского Движения Сопротивления. Сам Павлик в особенности, его жена и несколько близких друзей, в течение всех сумрачных лет немецкой оккупации, отдали все свои силы и все свои возможности этому делу и я могу сказать без преувеличения, что в этой своей деятельности Павлик неоднократно рисковал не только своим положением на шахте, но и своей свободой и м. б. даже жизнью. Он заслужил горячую благодарность со стороны всех, кто с ним имел дело и кто к нему обращался за помощью.

Павлик начал болеть уже давно. Повидимому, его здоровье было подорвано долголетней службой в шахте, где он заведывал всем электрическим оборудованием. В течение последних двух-трех лет, ему пришлось много месяцев провести в клинике и, несмотря на леченье, здоровье его все время ухудшалось. Последние недели его жизни он часто никого уже не узнавал; утром, 15 мая с./г. к нему в клинику поехал П. Крылов (II вып.) и священник о. Чедомир, чтобы его причастить. Но за несколько минут до их приезда Павлик умер, не приходя в сознанье.

В нашей памяти он останется таким, каким мы его знали: веселый, общительный, большой любитель военных и кадетских песен, отзывчивый на чужую беду, верный товарищ и горячий враг насилия и несправедливости. Да будет легка ему бельгийская земля на далеком кладбище, на окраине Брюсселя.

А. Р.

Общекадетское Объединеение в Австралии сообщает:

19 мая 1974 г. от сердечного припадка скоропостижно скончался в Сиднее

ЛЕВ БУТОВИЧ

Кадет VI в. Крымского Кад. Корпуса

Офицер Югославянской Армии.

Printed by "Monastery Press", 8011 Champagneur Ave., Montreal, Que. Canada.